
ЧУЖОЕ ИМЯ
В ТАБЕЛЕ
ИГНАТ ЧЕРЕМИС

Игнат Черемис

Чужое имя в табеле

«Автор»
2026

Черемис И.

Чужое имя в табеле / И. Черемис — «Автор», 2026

На заводе уральского моногорода погибает мастер Борис Кулагин. Табель утверждает, что ночью рядом работал Глеб Нестеров, первичный акт называет смерть следствием разрыва воздухосборника, а руководство просит страхового эксперта Михаила Ратникова не задерживать выплату семье.Но Глеб в цехе не был. Его смену отработал брат, тело мастера перенесли, а документ правили дважды — по разным причинам и разные люди. Пока второй свидетель скрывается в заводских коллекторах, Михаил должен отделить бытовую подмену от убийства и доказать порядок событий, не выдав человека тем, кто уже пытается заставить его замолчать.«Чужое имя в табеле» — производственный детектив о честности доказательств, цене остановки и городе, где одна ложная строка позволяет многим рукам выглядеть рукой отсутствующего человека.

© Черемис И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Красная лампа 6
Глава 2. Человек из табеля 13
Глава 3. Вторая вмятина 20
Глава 4. Город одной проходной 27
Глава 5. Чужие ботинки 34
Глава 6. Жалость в двух строках 42
Глава 7. Брат вместо брата 48
Глава 8. Два прохода 58
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Игнат Черемис
Чужое имя в табеле

От автора

После аварии остаются не только искорёженный металл и счета за ремонт. Остаются подписи людей, которые торопились, боялись, жалели друг друга или защищали своё место. Иногда одна неверная строка помогает семье пережить неделю. Иногда та же строка даёт преступнику готовое алиби.

Эта история — о страховом эксперте, привыкшем читать чужие аварии по вмятинам, табелям и последовательности остановки машин. Ему предстоит отличить ошибку от подлога, жалость от соучастия и точность от равнодушия. Все решающие следы появятся до развязки. Но увидеть их мало: нужно решить, какую правду можно открыть немедленно, если от неё зависит жизнь человека.

Город, завод, герои и обстоятельства вымышлены. Производственные детали служат сюжету и не являются инструкцией по работе с опасным оборудованием.

Глава 1. Красная лампа

Красная лампа горела над воротами третьего корпуса так ровно, будто ничего не случилось.

Михаил Ратников заметил её ещё из машины. В пять сорок утра Каменолесье было тёмным, только снег у заводской ограды отдавал грязной синевой. Над трубами висел пар, ветер прижимал его к крышам, и красная точка над воротами казалась единственным бодрым предметом во всём городе. Такие лампы предупреждали о работающей линии. После аварии она должна была погаснуть.

У проходной его встретила женщина в белой каске поверх серого вязаного платка. Она держала папку под мышкой и всё время сжимала свободную ладонь, словно в ней лежал мелкий предмет.

— Лидия Коренева, — представилась она. — Наш эксперт. То есть приглашённый заводом. Я вам звонила.

— Вы давно здесь?

Она посмотрела не на часы, а на окна проходной.

— Достаточно. Пойдёмте, пока они не начали убирать.

Михаил не двинулся.

— Кто именно собирается убирать?

— Технический директор приказал освободить проход. Там пожарные рукава, осколки. Смена через два часа.

— Смены не будет.

Лидия наконец разжала ладонь. На коже отпечатался угол пластиковой карты.

— Вы это Волкову скажите.

Михаил расписался в журнале посетителей: 5:43. Охранник протянул ему временный пропуск, но прежде чем отдать, позвонил кому-то и тихо произнёс фамилию Ратникова. На стене за его спиной висел экран с расписанием смен. В верхней строке мигала надпись: «Корпус 3. Допуск ограничен». Под ней шёл список фамилий ночной бригады. Михаил успел прочитать только первую: Нестеров Глеб Павлович. Охранник шагнул в сторону и закрыл экран плечом.

До корпуса они шли по дорожке между сугробами. Слева темнели жилые пятиэтажки, стоявшие почти у самой ограды. Завод не соседствовал с городом — он был его стеной, часами и единственным большим кошельком. Даже сейчас, до рассвета, у проходной ждали люди. Кто-то курил, кто-то звонил. Никто не уходил домой.

— Погибший? — спросил Михаил.

— Борис Кулагин, мастер ночной смены. Пятьдесят восемь. Предварительно — удар осколком при разрыве воздухосборника.

— Предварительно кем установлено?

— Волковым. Потом медик подтвердил травму головы.

— Медик подтвердил травму. Причину устанавливать рано.

— Я знаю.

Она сказала это резко, и Михаил впервые посмотрел на неё внимательнее. Лидии было около сорока. На щеке осталась чёрная полоска, будто она вытерла лицо перчаткой. Каска сидела криво. Под мышкой она несла папку так бережно, как носят чужие снимки из больницы.

У третьего корпуса стояли две пожарные машины. Открытого огня не было, только из разбитого окна тянулся редкий белый пар. У ворот спорили трое мужчин. Один в синей куртке требовал смотать рукава, другой в форме пожарной охраны повторял, что помещение не передано. Третий, высокий, без каски, увидел Михаила и пошёл навстречу.

— Ратников? Сергей Волков, технический директор. Наконец-то. У нас производство стоит.

— Значит, никто не будет убирать место до осмотра.

— Там нет загадки. Лопнул старый сборник, Кулагину не повезло оказаться рядом. Мы всё сняли.

— Кто «мы»?

— Служба безопасности, Коренева, мастера. Десятки людей. Хотите оставить город без работы из-за фотографии лишнего болта?

Михаил достал из кармана тонкий блокнот и записал время разговора. Волков следил за ручкой.

— Что вы пишете?

— Причину, по которой место хотели убрать до независимого осмотра.

— Я не это сказал.

— Тогда скажите точнее.

Несколько секунд они слушали, как на крыше корпуса стучит незакреплённый лист железа. Волков отвёл взгляд первым.

— Проход должен быть свободен для аварийной бригады. Всё. Осматривайте. Только быстро.

Михаил попросил пожарного записать фамилии всех, кто уже входил после разрыва, и выставить человека у ворот. Волков хотел возразить, но пожарный кивнул прежде, чем тот успел. Это была маленькая победа без всякого значения, кроме одного: следующие полчаса предметы останутся на местах.

Внутри пахло мокрой золой, железом и старым маслом. Воздухосборник стоял у дальней стены — большой горизонтальный бак на двух опорах. Его бок разошёлся рваным лепестком. На полу лежали куски обшивки, инструменты, обрывки утеплителя. Вода из пожарного рукава собралась в неглубокие лужи и уже схватывалась по краям льдом.

Тело накрыли серебристым аварийным покрывалом. Оно лежало между баком и жёлтой линией прохода, головой к месту разрыва, ногами к воротам.

Михаил остановился на расстоянии трёх шагов.

— Его перемещали медики? — спросил он.

— Нет, — ответила Лидия.

— Уверены?

— Я приехала до скорой. Он лежал так.

Волков вздохнул у него за спиной.

— Если вам нужно непременно найти нарушение, напишите, что он зашёл за ограждение.

Михаил присел, не касаясь пола. На покрывале у плеча лежала серая пыль, а у ног его край был мокрым. Рядом с головой Кулагина виднелась короткая тёмная полоса, похожая на след, оставленный тяжёлым мешком. Она шла не от воздухосборника, а к нему, из глубины пролёта.

Он поднял взгляд на разорванный бак. Металлический лепесток выгнуло наружу, в сторону тела. Мелкие куски обшивки разлетелись веером по проходу. Если Кулагин стоял там, где его нашли, удар должен был отбросить его к воротам. Но голова была ближе к баку, чем ноги, словно человек двигался против разрыва.

— Откуда, по-вашему, прилетел осколок? — спросил Михаил.

Волков указал на рваный край.

— Оттуда.

— Тогда почему тело лежит головой туда же?

— Упал как упал. Мог развернуться.

— Мог. Нам понадобятся следы, которые это покажут.

Лидия стала листать бумаги в папке.

— На затылке одна рана. Крупного осколка возле тела не нашли.

— Потому что рану мог нанести край бака, — сказал Волков. — Человека швырнуло, он ударился.

Михаил посмотрел на пол между телом и баком. Там лежали мелкие обломки, нетронутые слои пыли у опоры и тонкая ледяная корка. Ни борозды от обуви, ни следа падения взрослого мужчины.

— О край, который в полутора метрах от него?

Волков шагнул ближе, увидел расстояние и промолчал.

Михаил сфотографировал общий вид с четырёх точек, затем попросил Лидию положить масштабную линейку возле тёмной полосы. Она выполнила просьбу без вопросов. Волков ушёл к воротам и заговорил по телефону.

— Вы уже это заметили? — тихо спросил Михаил.

— Направление? Да.

— В акте указали?

Она прижала папку к груди.

— Указала всё, что видела.

— Покажите.

— После осмотра.

— Сейчас.

Лидия помедлила, потом раскрыла папку на прозрачном файле. Внутри лежал акт первичного осмотра, заполненный от руки. Михаил не стал брать лист, чтобы не спорить потом, кто оставил на нём пятно. Прочитал сверху вниз. Место, оборудование, фамилия погибшего, предполагаемое время происшествия — 3:18. Ниже: «Эксперт прибыл на место в 3:40». Подпись Л. А. Кореневой.

— Во сколько вы вошли через проходную?

— Это сейчас не относится к положению тела.

— Во сколько?

— Около четырёх.

— В журнале есть точное время?

Она кивнула.

— Зачем написали 3:40?

— Потому что в 3:40 мне позвонили. С этого времени я участвовала в осмотре по видеосвязи.

— Здесь написано «прибыл на место».

— Я знаю, что здесь написано.

Волков закончил звонок и вернулся. Лидия закрыла папку прежде, чем он подошёл.

— Тело скоро заберут, — сказал он. — Следователь разрешил после фотографирования.

— Следователь где?

— Едет из района. Дорогу перемело. Местный участковый уже был.

— Кто сообщил страховщику?

— Я. Завод обязан уведомлять немедленно.

— А Кореневой?

— Диспетчер.

Михаил снова посмотрел на Лидию. Она не подняла глаз. Неверное время могло быть попыткой показать, что эксперт застала место до чужих рук. Могло ускорить выплату. Могло скрыть час, за который в цехе успели сделать что угодно. Пока это была не разгадка, а трещина в первом документе.

Он прошёл вдоль воздухосборника. На дальней опоре лежал красный сигнальный фонарь. Нет, не фонарь — свет отражался от небольшой лампы на шкафу управления. Та самая красная точка, которую он видел снаружи, была связана с резервной линией. Под ней стояла табличка: «Компрессор РК-2. Работа». Зелёная лампа основной линии не горела.

— После аварии питание снимали? — спросил Михаил.

— Автоматика отключила участок, — ответил Волков.

— Тогда почему горит РК-2?

Технический директор подошёл к шкафу. На его лице впервые появилось не раздражение, а настоящее удивление. Он протянул руку к переключателю.

— Не трогайте, — сказал Михаил.

Волков остановил пальцы в нескольких сантиметрах.

— Лампа могла запитаться от аварийной сети.

— Могла. Сфотографируем положение переключателя и проверим схему.

— Резервный компрессор не работал. Он выведен из эксплуатации.

— Тогда красная лампа тем более полезна.

Лидия встала рядом. В её акте, который она снова достала, Михаил увидел строку: «Основная линия остановлена, резервная обесточена». Он попросил её не переворачивать лист и сделал снимок через прозрачный файл. Время на камере было 6:07.

За воротами кто-то повысил голос. Пожарный не пускал внутрь двух рабочих с тележкой. Волков пошёл к ним, и Лидия сказала едва слышно:

— Утром должна прийти комиссия из области. Если акт составлен после того, как всё убрали, вдова может ждать денег месяцами.

— Поэтому вы приехали раньше, чем приехали?

— Я ничего не убирала.

— Я спросил о времени.

— А я ответила о том, что важно.

— Для вас.

Она посмотрела на накрытое тело.

— Для женщины, которой сегодня скажут, что её муж погиб на работе. Завод начнёт спорить о нарушении инструкции, страховщик — ждать заключения, комиссия — искать подпись. А ей через неделю платить за отопление.

— Неверная строка не ускоряет правду. Она даёт любому удобный повод отменить весь акт.

— Если вы её найдёте.

— Я уже нашёл.

Лидия закрыла глаза на секунду. Потом выпрямилась.

— Значит, пишите на меня. Но сначала посмотрите металл.

Она подвела его к разрыву с левой стороны, где свет переносной лампы падал вдоль поверхности. На сером металле, в стороне от рваного края, темнела овальная вмятина. Она была небольшой, не шире ладони, с резкой нижней границей. Вокруг неё краска растрескалась иначе, чем возле разрыва: там чешуйки загнулись наружу, здесь были вдавлены внутрь.

— Это было в вашем акте? — спросил Михаил.

— В первом варианте — да.

— В первом?

— Я отправила фотографию Волкову, чтобы он дал номер оборудования. Он распечатал чистовик. Я подписала, не перечитав каждую строку.

Михаил попросил показать фотографию. Лидия достала телефон, но экран сообщил об отсутствии сети. Она открыла галерею. На снимке вмятина была видна, рядом лежала рулетка.

Время съёмки — 4:21. На следующем кадре тело уже накрывали. У ворот стоял мужчина в синей куртке, похожий на Волкова.

— Сохраните телефон при себе и никому не отдавайте, — сказал Михаил.

— Вы думаете, он убрал строку?

— Я думаю, что у нас есть лист с неверным временем, фотография детали, которой на листе нет, и человек, заинтересованный быстро освободить цех. Это ещё не обвинение.

— Для Волкова разницы не будет.

Она спрятала телефон во внутренний карман.

Следователь приехал в половине седьмого. Молодой капитан Соколов вошёл с дорожным снегом на плечах, выслушал Михаила и сразу велел никого не выпускать из третьего корпуса до записи фамилий. Тело открыли для короткого осмотра. Михаил видел достаточно травм, но никогда не заставлял себя привыкать к лицам погибших. У Кулагина были седые брови, на правой щеке — отпечаток пыльного пола. Кровь на затылке почти высохла. На груди куртка была чистой, если не считать длинной серой полосы, будто его тянули за плечи.

Соколов наклонился, не касаясь одежды.

— Переносили?

— Медики говорят, нет, — ответил Михаил. — Надо проверить всех вошедших. Направление разрыва не совпадает с положением тела.

— Свидетели?

— Ночной сварщик Глеб Нестеров был в цехе, — вмешался Волков. — Он первым услышал хлопок.

— Где он?

— Отпустили после опроса. Человек в шоке.

Соколов медленно повернулся к техническому директору.

— Кто отпустил?

— Начальник охраны. Мы же не могли держать его силой.

— Телефон есть?

— В табеле.

Они перешли в диспетчерскую. Комната находилась на втором этаже за стеклянной перегородкой. Отсюда был виден весь пролёт и красная лампа на шкафу. На столе стояли три кружки, одна ещё сохраняла тепло. Диспетчер, пожилой мужчина с красными глазами, поднялся при появлении Волкова.

— Табель ночной смены, — попросил Соколов.

Диспетчер вытащил из папки лист. Напротив фамилии «Нестеров Г. П.» стояли время входа 19:48, время выхода не заполнено и подпись, похожая на широкую букву «Н».

— Он был здесь всю ночь? — спросил Михаил.

— По табелю да, — ответил диспетчер.

— А по вашим глазам?

Мужчина посмотрел на Волкова.

— Народу много. Я за каждым не слежу.

— Кто принёс табель?

— Бригадир в начале смены.

— Кто вписал время входа?

— Я. По отметкам проходной.

— А подпись?

— Работник ставит сам.

Михаил сфотографировал строку. Чернила подписи были синими, а время входа записано чёрным. Это ничего не доказывало: на диспетчерском столе лежали ручки обоих цветов.

Но возле фамилии Глеба бумага была продавлена дважды, словно сначала кто-то написал другие цифры, а потом провёл сверху.

— Дайте журнал проходной, — сказал Соколов.

Волков развёл руками.

— Это в другом корпусе. Принесут.

— Не принесут. Мы сами пойдём.

Пока капитан отдавал распоряжения, Михаил осмотрел шкафчик для касок у двери. На верхней полке лежала белая каска с наклейкой «Г. Нестеров». Внутренняя пластиковая лента была затянута почти до предела. Михаил не касался её, только сфотографировал.

— Глеб крупный? — спросил он диспетчера.

— Как все. Высокий.

— Эта каска на маленькую голову.

Диспетчер облизнул губы.

— Может, чужую взял.

— С собственной фамилией?

Волков усмехнулся.

— Теперь размер каски доказывает убийство?

— Нет. Он доказывает только размер каски.

Михаил закрыл дверцу. Именно так чаще всего и начиналась ошибка: человек видел одну ложь и заставлял её объяснить всё. Неверное время Лидии не делало её убийцей. Чужая голова в каске Глеба не означала, что человек ударил Кулагина. Красная лампа не доказывала работу компрессора. Пока это были отдельные предметы. Их следовало удержать раздельно, как осколки на полу, и не складывать силой в удобную картину.

У проходной журнал уже лежал перед капитаном. В строке Глеба Нестерова стоял вход в 19:47 по личной карте. Камера над турникетом смотрела точно на входящих.

— Запись сохранилась? — спросил Михаил.

Охранник кивнул не сразу.

— Должна.

— Открывайте, — сказал Соколов.

Система запросила пароль начальника смены. Тот не отвечал на телефон. Соколов опечатал системный блок и вызвал специалиста из района. Волков сказал, что это парализует проходную, но капитан предложил вести людей по бумажному списку. Впервые за утро технический директор не нашёл ответа.

Когда Михаил вышел наружу, рассвело. Красная лампа над третьим корпусом всё ещё горела, теперь бледная на фоне серого неба. У ограды стояла женщина в длинном коричневом пальто. Она держала руки перед собой, будто ждала, что ей что-то передадут. Рядом с ней был парень лет двадцати. Лидия подошла к ним и сняла каску.

— Это жена Кулагина, — сказал Волков, оказавшийся рядом. — Вот почему нельзя тянуть.

— Поэтому вы хотели убрать цех?

— Поэтому я хочу, чтобы люди получили деньги и завод работал. Вы приезжие можете позволить себе красивую точность. Мы здесь живём.

— Я тоже отвечаю перед теми, кому страховая откажет из-за неверного акта.

— Коренева ошиблась со временем на двадцать минут. Какая разница, если человек погиб в цехе?

Михаил посмотрел на него.

Он не говорил Волкову, сколько составляла разница.

— Откуда вы знаете про двадцать минут?

Технический директор моргнул, затем пожал плечами.

— Она мне сказала.

Лидия стояла в пятнадцати шагах и разговаривала с вдовой. Телефон всё это время был у неё. Возможно, они обсуждали акт раньше. Возможно, Волков сам видел обе версии. Михаил записал его ответ дословно.

— Вам нравится собирать мелочи, — сказал Волков.

— Аварии из них и состоят.

— И что вы уже собрали?

Михаил убрал блокнот.

— Тело, которое лежит против направления разрыва. Акт, составленный до приезда эксперта. Красную лампу на отключённом компрессоре. И имя человека, которого пока никто не видел.

— Глеба видели десятки рабочих.

— Тогда найти его будет нетрудно.

Михаил прошёл к машине. Ветер нёс через парковку мелкий снег. На водительском стекле лежала визитка без имени, прижатая дворником. На обороте шариковой ручкой был написан адрес: «Котельная, Сосновая, 8». Ниже — три слова: «Глеб не работал».

Он сфотографировал карточку на месте и только потом надел перчатки, чтобы снять её со стекла.

Красная лампа погасла в 7:12.

Михаил записал и это время.

Глава 2. Человек из табеля

Котельная на Сосновой стояла за двумя пятиэтажками, школьным стадионом и полосой гаражей, над которыми снег лежал ровными белыми крышками. Номер восемь был написан на кирпичной стене синей краской. Ни вывески, ни проходной здесь не было: только железная дверь, труба и узкое окно под потолком, запотевшее изнутри.

Михаил не стал звонить по номеру из табеля. Если записку оставил человек, желавший свести его с Глебом, звонок мог предупредить не только Глеба. Он отправил Соколову фотографию визитки, адрес и короткое сообщение: «Еду проверить. Прошу прислать сотрудника без заводской охраны». Капитан ответил не сразу. За это время Михаил успел объехать квартал и заметить у гаражей серую «Ниву» без снега на капоте. Машина могла приехать минуту назад, а могла просто остывать медленнее других. Он записал номер и припарковался так, чтобы видеть дверь котельной.

В восемь двадцать из двери вышла женщина в ватнике с ведром золы. Она высыпала его в металлический ящик, посмотрела на незнакомую машину и вернулась. Через пять минут приехал участковый на старом служебном автомобиле. Соколов позвонил следом.

— Лейтенант Белов, — сказал капитан. — Он знает Глеба. Не давите на человека. Формально мы пока ищем свидетеля.

— Формально он числится свидетелем аварии, на которой не был.

— Вот это и выясните. Если признается в подмене, пусть Белов фиксирует. И не обещайте ему ничего.

Михаил посмотрел на серую «Ниву». За рулём никого не было.

— Завод уже знает адрес?

— От меня — нет. Записку на вашей машине мог оставить кто угодно.

— Поэтому спрашиваю.

Соколов помолчал.

— Волков звонил начальнику охраны сразу после нашего разговора у проходной. О чём — не знаю. Будьте внимательны.

Белов оказался невысоким мужчиной с красным от мороза лицом. Он пожал Михаилу руку, прочитал записку на экране телефона и нахмурился.

— Глеб здесь подрабатывает, — сказал он. — Днём через день. После ночной смены на заводе он бы сюда не пришёл.

— Почему?

— Потому что котлы не любят сонных. И потому что у него расписание висит в диспетчерской. Пойдёмте.

Внутри было жарко и шумно. Насосы гудели за стеной, в трубах щёлкала вода. Женщина в ватнике сидела за столом и чистила мандарин. Увидев форму, она положила кожуру на газету.

— Глеб внизу, — сказала она прежде, чем Белов спросил. — А что случилось?

— Нам надо поговорить о заводе.

Женщина посмотрела на Михаила.

— Так он же не был там сегодня.

Михаил достал блокнот.

— Откуда вы знаете?

— С семи вечера со мной. В десять насос на втором контуре встал, мы до часу возились. Потом он дежурил, я спала. В шесть пришла сменщица, а Глеб остался: ждал, пока магазин откроется. У него дома хлеба не было.

— Вы всё время были в здании?

— Я — да. Он дважды выходил во двор, шлак вынести. Тут камеры нет, если вам это надо.

— Как его отчество?

— Петрович. А что?

В табеле стояло «Нестеров Г. П.». Совпадала не только фамилия. Если женщина говорила правду, подмену готовили не наспех после аварии: карта Глеба прошла заводской турникет в 19:47, когда сам он уже находился здесь.

Из-за железной двери показался мужчина в тёмной майке. Он был выше Белова почти на голову, широкоплечий, с мокрыми волосами. На правом предплечье темнел старый ожог. Увидев Михаила, мужчина остановился.

— Ты Глеб? — спросил Белов.

— Смотря кто спрашивает.

— Участковый спрашивает. А это страховой эксперт с завода.

Глеб перевёл взгляд на окно, затем на дверь. Не рванулся, не отступил — только сжал пальцы, и костяшки побелели.

— Я туда не ходил.

— Куда? — спросил Михаил.

— На завод. Сегодня ночью.

— Я ещё не сказал, о какой ночи речь.

— У нас город маленький. Кулагин погиб. Уже все знают.

Женщина за столом тихо выругалась. Белов попросил её выйти в насосную. Она не спорила, но перед дверью сказала Глебу:

— Если натворил, не ври. Хуже будет.

— Не натворил я, тёть Зин.

Когда дверь закрылась, Михаил положил на стол фотографию строки табеля. Не протянул её Глебу, а развернул так, чтобы тот видел фамилию.

— Здесь написано, что вы вошли на завод в девятнадцать сорок семь и работали в ночную смену.

— Врут.

— Турникет принял вашу карту.

— Значит, карта ходила без меня.

— У кого она?

Глеб усмехнулся, но усмешка вышла короткой.

— Если бы знал, заявил бы.

— Когда вы видели её последний раз?

— Вчера утром.

— Где?

— В кармане.

— Каком?

— Куртки.

— Куртка где?

— Дома.

— Карта сейчас там?

— Наверное.

Михаил не записывал последние ответы. Он смотрел, как Глеб говорит. На первом отрицании мужчина стоял прямо. На вопросе о карте отвёл глаза к настенным часам. Страх не делал его виновным в смерти Кулагина, но показывал место, где кончилась приготовленная версия.

— Ваша каска осталась в диспетчерской третьего корпуса, — сказал Михаил. — Белая, с фамилией на боку.

— И что?

— Она затянута на голову меньше вашей. Намного меньше.

Глеб машинально коснулся затылка. Движение было быстрым и точным, как у человека, привычного к храповику каски.

— Может, кто-то крутил.

— Кто?

— Откуда мне знать? Там проходной двор.

— Вы оставляете личную каску в общем шкафу?

— Иногда.

— А наклейку с фамилией?

— Не отдирать же.

— Кто меньше вас ростом и мог надеть её, не меняя наклейку?

Глеб шагнул к столу. Белов поднялся, но Михаил едва заметно качнул головой. Мужчина не собирался нападать. Он хотел забрать фотографию табеля, потом понял, что это только снимок, и опёрся ладонями о край стола.

— Вы из-за этой бумажки человека посадите, — сказал он.

— Бумажка пока доказывает, что кто-то вошёл по вашей карте. Каска — что её носил человек с меньшей головой. Ни то ни другое не доказывает, что этот человек убил Кулагина.

— А вы так и напишете?

— Если факты останутся такими — да.

— На заводе так не бывает. Там если один попался, на него всё повесят. Чтобы остальные линию пустили.

— Поэтому назовите того, кто был вместо вас.

Глеб выпрямился.

— Никого не было.

— Тогда ваша карта сама прошла турникет, каска сама уменьшилась, а табель подписала ручка.

— Разбирайтесь. Вам за это платят.

Белов открыл папку.

— Глеб Петрович, давайте официально. Где вы находились с девятнадцати часов вчера до семи сегодня?

— Здесь.

— Кто подтвердит?

— Зинаида Матвеевна, сменщица Ольга, журнал котельной. В десять насос встал. Я его снимал.

— Подпись в журнале ваша?

— Моя.

— Телефон при вас был?

Глеб замялся.

— Разрядился.

— Когда?

— Вечером.

Михаил попросил показать ладони. На пальцах Глеба были свежие чёрные следы графитовой набивки, которой уплотняли насосы, и тонкий порез у большого пальца. Следы могли подтвердить работу в котельной, но не всю ночь. Он спросил, какой именно насос остановился. Глеб ответил без паузы: сетевой номер четыре, закусило муфту, подшипник грелся ещё с прошлой недели. Потом описал, где лежал съёмник и как Зинаида держала фонарь, потому что переноска мигала. Выдумать такие подробности можно, но проще было проверить.

Они спустились в машинный зал. На полу у четвёртого насоса лежали свежие масляные тряпки. Болты на кожухе блестели там, где с них недавно сорвали пыль. В журнале стояли записи в 22:14, 22:37, 23:05 и 00:42. Первые три были подписаны Глебом, последняя — Зинаидой. Белов сфотографировал страницы и позвонил ночной сменщице. Та подтвердила, что приняла котельную в шесть и видела Глеба спящим на стуле.

— Значит, на заводе был не ты, — сказал Белов, когда они вернулись наверх. — Тем хуже для тебя, если скрываешь кто.

Глеб надел ватник, застегнул только среднюю кнопку и снова посмотрел на серую «Ниву» через окно. Михаил проследил за его взглядом.

— Знаете машину?

— Полгорода на таких ездит.

— Эта стоит здесь давно?

— Когда шлак выносил в пять, её не было.

Михаил набрал Соколова и продиктовал номер. Пока капитан проверял владельца, «Нива» завелась. Водитель сидел низко, лица за бликами стекла не было видно. Машина выехала из-за гаражей не спеша, словно её появление никак не было связано с разговором.

Белов вышел на крыльцо, но останавливать автомобиль без причины не стал. Соколов перезвонил через минуту: номер принадлежал заводскому транспортному участку, числился за мастером охраны Павлом Журовым.

Глеб услышал фамилию из динамика и побледнел.

— Он приезжал к вам? — спросил Михаил.

— Нет.

— Тогда зачем следил за дверью?

— Может, не за дверью.

— За вами?

— Я не знаю.

Михаил убрал телефон.

— Записку на моей машине оставили вы?

— Какую записку?

— С этим адресом.

Глеб посмотрел на Белова, будто пытался понять, сколько тот уже знает.

— Не я.

— Антон?

Имя изменило его лицо сильнее, чем фотография табеля. Глеб не вздрогнул, но перестал застёгивать ватник. Пальцы застыли на нижней петле.

— Какой Антон?

— Пока никакой, — сказал Михаил. — Вы сами сейчас показали, что имя вам подходит.

— У меня трое знакомых Антонов.

— Который из них меньше вас ростом?

Глеб отвернулся к батарее. На подоконнике лежала пачка дешёвых сигарет, хотя от его одежды табаком не пахло. Он взял пачку, повертел и положил обратно.

— Двоюродный брат, — сказал он наконец. — Антон Нестеров. Только он никого не убивал.

— Я этого не утверждал.

— У вас всё на лице написано.

— На моём лице написано, что ваш брат воспользовался картой и каской. Остальное вы добавили сами. Зачем он вышел вместо вас?

Глеб сел. Стул под ним скрипнул.

— Мне за котельную платят наличными. До Нового года обещали две подработки. Антону нужны деньги. На заводе за ночную с аварийным ремонтом двойная ставка. Мы договорились: он идёт по моей карте, я отдаю ему всю смену, а себе оставляю котельную.

— Кто на заводе знал?

— Бригадир должен был знать. Без него в табель не попадёшь.

— Имя.

— Фомин. Виктор Андреевич.

— Волков?

Глеб покачал головой.

— Техническому директору про каждую подмену не докладывают. Но если срочный заказ, он ночью ходит по корпусам. Мог увидеть.

— Карту Антон получил когда?

— Вчера после обеда. У магазина на площади.

— Каску?

— Она в шкафу была. Я сказал, какую брать.

— Почему Антон не взял свою?

— Он не в штате. Его весной сократили. С чужой каской меньше вопросов.

Михаил открыл на телефоне снимок внутренней ленты. Кроме положения храповика на пластике виднелась светлая дуга, а возле крепления — рыжая нитка.

— У Антона зимняя шапка какого цвета?

— Бурая. Вязаная. А что?

— На ленте волокно. Это проверят, но одной нитки мало. Есть способ подтвердить, что каску регулировал именно он?

Глеб долго смотрел на снимок, затем провёл пальцем по собственному ожогу.

— У Антона правое ухо после драки прижато. Он каску набок носит, иначе край давит. На внутренней ленте должна быть наклеена полоска изоленты, справа. Мягкой стороной к уху.

На фотографии из диспетчерской изоленты не было видно: Михаил снимал каску сверху. Но Лидия в цехе действительно несла её криво, а храповик был смещён на одно деление. Это была не общая примета вроде роста. Это можно было проверить, не доверяя словам Глеба.

— Где Антон сейчас?

— Дома должен быть.

— Адрес.

— Речной переулок, три, квартира семь.

— Телефон.

Глеб назвал номер. Белов записал и тут же набрал. В тишине котельной прозвучали длинные гудки. На шестом вызов оборвался.

— Не берёт, — сказал лейтенант.

— Он часто так?

— После смены спит, — ответил Глеб. — У него звук выключен.

— Во сколько вы должны были получить обратно карту?

— В восемь, у хлебного. Он не пришёл.

— И вы не забеспокоились?

— Я услышал про Кулагина в семь десять. Позвонил Антону. Он сбросил. Потом пришло сообщение: «Жив. Не звони». Я решил, что он испугался проверки.

— Покажите.

Глеб вынул телефон. Сообщение было отправлено в 7:18. Михаил попросил не пересылать его и не делать снимок экрана, пока Белов не зафиксирует устройство. Лейтенант записал номер отправителя, время и первые слова, затем включил камеру и снял экран одним непрерывным кадром вместе с часами на стене.

— Это его номер? — спросил Михаил.

— Его.

— Вы уверены, что писал он?

— Нет. Теперь уже ни в чём не уверен.

Снаружи хлопнула дверца машины. Все трое посмотрели в окно, но у котельной остановилась маршрутка. Из неё вышли две женщины с сумками и школьник.

Михаил мысленно разложил полученное по отдельным местам. Глеб почти наверняка не был на заводе: ремонт насоса, журнал и свидетели давали проверяемое алиби. Антон воспользовался картой, каской и именем брата. Изолента возле правого уха могла связать его с каской независимо от признания Глеба. Но подмена не объясняла, кто ударил Кулагина, кто перенёс тело и зачем работал резервный компрессор. Она объясняла только, почему первый свидетель исчез из табеля, оставаясь в нём.

— Вы поедете с лейтенантом и дадите письменное объяснение, — сказал Михаил. — Потом покажете место передачи карты. Если есть переписка о деньгах, сохраните её.

— Антона найдёте?

— Сначала проверим адрес.

— Волков найдёт раньше.

— Почему вы так думаете?

Глеб потёр лицо обеими ладонями.

— Потому что Антон видел что-то после хлопка. В семь ноль две он позвонил мне с чужого телефона. Сказал: «Там человека тащили». Я спросил кого. Он ответил: «Мастера». Потом связь пропала.

Михаил почувствовал, как прежние отдельные предметы придвинулись друг к другу, но не позволил им соединиться раньше проверки.

— Почему вы сразу это не сказали?

— Я думал, если он уйдёт, никто не узнает про карту. А потом ваша записка, охрана под окном… Я не знаю, кто кому её оставил.

— Номер чужого телефона сохранился?

Глеб открыл журнал вызовов. В 7:02 был входящий с городского номера. Белов продиктовал цифры Соколову. Капитан проверил их, пока они ждали у стола.

— Это автомат в проходной старой поликлиники, — сказал он наконец. — Внутренний заводской номер выведен в город. Поликлиника закрыта три года.

Михаил записал адрес и время. Потом попросил Белова связаться с ближайшим экипажем, а сам снова позвонил Соколову.

— Не посылайте заводскую охрану, — сказал он. — Их машина уже была у котельной.

— Понял. Сами в поликлинику не входите. Сначала квартира Антона, потом наружный осмотр.

Глеб стоял у окна, упираясь лбом в холодное стекло.

— Если с ним что-то случится, это из-за меня.

— Из-за вас он оказался под чужим именем, — сказал Михаил. — Но то, что случилось в цехе, сделал не табель. Сейчас нам нужны точные вещи: когда он вошёл, что увидел и кто забрал его после смены.

Перед уходом Михаил ещё раз сфотографировал запись о ремонте насоса, руки Глеба и часы котельной. На улице он подошёл к месту, где стояла «Нива». Под свежим снегом остались четыре тёмных отпечатка шин и маленькое пятно масла. Ничего редкого. У мусорного ящика лежал окурок, но Глеб не курил, а через двор ходили десятки людей. Михаил не стал превращать чужой мусор в улику.

Соколов прислал фотографию каски из диспетчерской. Белов передал просьбу по телефону, и капитан снял внутреннюю ленту сбоку. Справа, возле крепления, была наклеена узкая чёрная полоска. Её край блестел от свежего среза.

Михаил увеличил снимок. Под изолентой застряло короткое рыжее волокно.

Человек из табеля существовал. Только звали его не Глеб.

Глава 3. Вторая вмятина

К третьему корпусу Михаил вернулся без Белова. Лейтенант повёз Глеба на объяснение, а ближайший экипаж уже стоял у дома Антона на Речном переулке. Соколов обещал позвонить, как только станет ясно, открывал ли кто-нибудь квартиру. Михаил не стал ждать звонка в машине. Пока неизвестного человека искали по городу, в цехе оставалось то, что никуда не могло уйти само: металл.

Снег у проходной стал серым от подошв. Рабочих дневной смены держали в столовой, но у ворот собрались их родственники. Люди говорили тихо и одинаково смотрели на заводские трубы, будто ждали, что те подадут знак. Над третьим корпусом шёл ровный белый пар. Резервный компрессор молчал, красная лампа в диспетчерской погасла, и завод снаружи казался исправным.

У двери корпуса Михаила остановил начальник охраны Журов. Вблизи он оказался моложе, чем на фотографии из заводского пропуска: лет тридцать пять, короткая шея, красные от холода веки. На куртке висела рация, из которой иногда пробивался треск.

— Повторный вход только с разрешения Волкова, — сказал он.

— Место опечатано полицией.

— Предприятие наше.

— А лента на двери — не ваша.

Журов посмотрел на бумажную пломбу, потом на чемодан Михаила.

— Сергей Олегович велел никого не пускать без него.

— Капитан Соколов велел сохранить место. Позвоните обоим и дайте им решить, чьё распоряжение вы готовы нарушить письменно.

Михаил достал телефон, включил запись времени и снял закрытую дверь, пломбу и Журова рядом с ней. Начальник охраны отвернулся.

— Камеру уберите.

— Как только вы назовёте причину задержки осмотра.

Рация на груди Журова ожила. Женский голос спросил, можно ли выпустить из столовой наладчика с сахарным диабетом. Журов ответил, чтобы выпускали через северную дверь, и отошёл к окну. Он говорил по телефону негромко, прикрывая ладонью рот. Михаил различил только: «Да, опять он».

Через две минуты Журов вернулся с техником-криминалистом Светланой Юдиной. Она несла алюминиевый ящик и рулон чистой плёнки.

— Соколов разрешил, — сказала она. — Входим вдвоём. Охрана остаётся снаружи.

Журов хотел возразить, но Юдина уже записывала время вскрытия пломбы. Михаил поставил подпись рядом с её фамилией. Они надели одноразовые бахилы поверх ботинок и вошли.

После утреннего холода воздух в корпусе казался тёплым, хотя изо рта всё ещё шёл пар. Дежурное освещение делало стены зелёными. Воздухосборник стоял за полосатым ограждением, похожий на огромный погнутый термос. Разрыв шёл от нижнего шва вверх и вправо. Края металла выгнуло наружу. Овальная вмятина находилась выше, на неповреждённой части обечайки, в стороне от рваного края.

Утром Михаил видел её только на фотографии Лидии. Теперь грязь вокруг была стёрта, словно кто-то провёл по баку варежкой.

— Это вы очищали? — спросил он.

Юдина присела возле ограждения, не касаясь его.

— Нет. При мне к баку не подходили. На первом осмотре я снимала общий вид с прохода. Отдельную вмятину мне не показали.

— Кто был внутри после опечатывания?

— По журналу никто.

— А до него?

— Рабочие, медики, заводская комиссия, ваша Коренева, полиция. Полкорпуса.

Михаил поставил чемодан на чистый участок пола и достал фонарь бокового света, масштабную линейку и складной штатив. Он не переходил за ограждение, пока Юдина не сняла общий план. Потом они вдвоём проверили пломбы на калитке. Проволока была цела. Значит, грязь могли стереть до того, как Соколов закрыл место, или дотянуться до бака через ограждение длинной тряпкой. Само стирание ещё ничего не доказывало.

Юдина закрепила линейку рядом с вмятиной. Михаил направил свет почти вдоль поверхности. Овал сразу стал глубже: один край отбрасывал резкую тень, другой уходил в металл полого. В центре виднелась короткая дуга, где краска растрескалась мелкой сеткой.

— На разрыв не похоже, — сказала Юдина.

— Почему?

Она поняла, что он спрашивает не её мнение, а признаки.

— Края разрыва пошли наружу. Давление изнутри растягивало стенку. Здесь металл продавлен внутрь. И очаг маленький.

— Сначала фотографируем, потом проверяем направление.

Михаил сделал серию снимков с масштабом и без него. Юдина сняла то же место своей камерой. Они поменяли угол света, отметили на схеме высоту от пола и расстояние до левого края разрыва. Вмятина была в ста сорока семи сантиметрах от решётчатого настила. Её длинная ось шла не по линии разошедшегося шва, а почти поперёк.

На полу у бака лежали мелкие чешуйки синей краски. У разрыва они были выгнутыми и светлыми с обратной стороны. Под вмятиной — тёмными, с прижатой крошкой ржавчины. Юдина собрала образцы раздельно.

— Разный возраст? — спросила она.

— Возможно. Но цвет ржавчины зависит и от влаги. Пока говорим только, что разрушение краски разное.

Михаил достал из кармана распечатку фотографии Лидии. На экране телефона детали терялись, поэтому перед котельной он отправил файл в ближайший копировальный центр, а водитель страховой компании привёз конверт к проходной. На снимке стояло время 4:21. Вмятина была окружена сплошным слоем пыли. Через неё проходила одна чистая полоса шириной с палец.

Юдина наклонилась над листом.

— Сейчас полос две.

Михаил посмотрел на бак. Первая шла по центру овала и заканчивалась у нижнего края. Вторая пересекала её косо, была шире и захватывала стёртую грязь вокруг.

— Первая была до фотографии, — сказал он. — Вторую сделали после четырёх двадцати одной.

— Хотели стереть след?

— Или рассмотреть его. Или просто задели. Нам нужен не глагол, а время.

Юдина кивнула и сняла обе полосы крупно. Михаил приложил к распечатке прозрачную сетку. На раннем снимке рваный край бака уже существовал. Значит, фотография не показывала состояние до аварии. Но она показывала, что овальная вмятина была самостоятельной деталью, которую Лидия заметила сразу после приезда. Она не возникла при последующем осмотре.

Из-за двери донёсся спор. Журов требовал впустить главного механика. Юдина вышла и сказала, что до конца съёмки никто не войдёт. Голоса стихли не сразу.

Михаил встал на решётчатый настил сбоку от бака. Отсюда вмятина находилась на уровне его груди. Он провёл взглядом назад, по предполагаемому направлению удара. В двух метрах стоял щит управления. На нём висел съёмный рычаг для ручного поворота задвижки — стальная труба с плоским захватом. Конец трубы был обмотан чёрной резиной.

Он не тронул рычаг.

— Светлана, снимите щит как есть.

Юдина вернулась, установила номерной указатель и сделала кадры. Рычаг висел в двух скобах. Нижняя скоба была пыльной, верхняя — чистой внутри. На резиновой обмотке у самого конца виднелся светлый потёртый участок.

— Могли работать при аварии, — сказала она.

— Могли. Сначала следы, потом объяснения.

Рядом с щитом лежал журнал обходов. Его страницы уже упаковали в прозрачный пакет, но Юдина разрешила осмотреть через плёнку. Последняя запись была сделана в 2:15: давление на основной линии в норме, резервная линия отключена. Подпись Кулагина. Следующая строка оставалась пустой. На полях возле неё был серый отпечаток, похожий на край ладони.

Михаил представил высоту удара. Если длинной трубой били по баку, человек должен был стоять у щита или на проходе. Но зачем бить по сосуду под давлением? Вмятина могла появиться от сорвавшегося инструмента, от тележки при ремонте, от намеренного удара после остановки. Она могла вообще не иметь отношения к смерти. Важным было другое: разрыв и точечное повреждение двигали металл в разные стороны.

Он достал толщиномер, но не приложил его к краске.

— Нужен специалист завода, который назовёт марку стали и толщину стенки по паспорту, — сказал он. — И независимый дефектоскопист. Без зачистки здесь ничего не измеряем.

— Волков даст своего.

— Свой пусть принесёт паспорт. Измерять будет тот, кто не получает у него зарплату.

За ограждением на полу сохранилась меловая линия вокруг места, где лежал Кулагин. От его плеча до бака было меньше двух метров. Серую полосу на куртке могли оставить о металлический край, но высота вмятины не совпадала с телом. Михаил присел у мелового контура и посмотрел на воздухосборник снизу. Разрыв раскрывался к проходу. Если Кулагина отбросило им, тело должно было уйти от бака. Оно лежало головой к нему. Точечный удар по обечайке не мог перебросить взрослого мужчину. Это были два разных события, а тело поставили рядом с ними как подпись под чужим текстом.

Телефон завибрировал. Звонил Соколов.

— Квартира Антона пустая, — сказал капитан. — Дверь не ломали, замок цел. Соседка слышала, как он пришёл около восьми и через десять минут ушёл с кем-то. Не видела с кем. Поликлинику снаружи осмотрели. Следы есть, внутрь пока не заходили.

— Почему?

— Замок новый. И возле здания заводская камера на временной мачте, хотя объект закрыт. Получаем основание и запись. Журов уже звонил, интересовался, что мы там ищем.

Михаил посмотрел на дверь корпуса. Начальник охраны стоял за стеклом, повернувшись спиной.

— Его машина была у котельной.

— Знаю. Говорит, проверял вывоз шлака. Путевой лист оформлен с шести тридцати.

— Глеб видел машину только после пяти. Это ничего не опровергает.

— Пока ничего. Что у вас?

— Два повреждения. Разрыв выгнул стенку наружу. Овальный удар продавил внутрь. На фотографии Кореневой в четыре двадцать одну вмятина уже есть, вокруг неё нет поздней широкой протирки. Имеется съёмный рычаг с потёртым концом, но связывать его рано.

— В акте это записано?

— В том листе, который я видел утром, нет.

— Коренева утверждает, что записывала.

— Сейчас проверю копии.

Михаил отключился. Лидия ждала в комнате комиссии на втором этаже административного корпуса. Утром её не отпустили из-за исправленного времени. Он попросил Юдину закончить съёмку и отдельно упаковать рычаг, если Соколов даст распоряжение. Сам вышел через опечатанную дверь, поставил подпись о времени и прошёл мимо Журова.

— Закончили? — спросил тот.

— Первый осмотр.

— Там обычный разрыв. Баку двадцать семь лет.

Михаил остановился.

— Откуда вы знаете, что я осматривал не разрыв?

Журов поправил рацию.

— Все утром про вмятину говорили.

— Кто именно?

— Не помню. Народу было полно.

— Запишите фамилии, когда вспомните.

Журов усмехнулся.

— Вы тут до весны каждую царапину мерить будете?

— Если одна царапина появилась раньше другой, весна подождёт.

В комнате комиссии пахло растворимым кофе и мокрой одеждой. Лидия сидела у окна. Перед ней лежал выключенный телефон в прозрачном пакете. Рядом дежурила молодая дознавательница. Увидев Михаила, Лидия встала.

— Нашли? — спросила она.

— Вмятина есть. След удара направлен внутрь, разрыв — наружу.

Она закрыла глаза на секунду, словно услышала не новость, а подтверждение своей памяти.

— Я её записала.

— Покажите где.

— В черновике акта. На третьей странице, в описании корпуса. «Локальная овальная деформация выше продольного шва». Потом размеры. Примерно двенадцать на семь.

Фраза была слишком точной для выдумки на ходу и слишком сухой, чтобы доказать правду сама по себе.

— Черновик где?

— Я заполняла на планшете. Он синхронизируется с рабочей папкой, когда появляется сеть.

— Планшет у кого?

— У вашего водителя. Вы сами велели опечатать.

Михаил позвонил водителю и попросил принести пакет. Пломба была цела. Дознавательница записала номер, после чего Лидии разрешили назвать пароль, не прикасаясь к устройству. Михаил включил планшет в режиме без сети и открыл папку временных файлов.

Там лежали три версии акта. Первая была создана в 4:18, вторая — в 4:36, третья — в 5:02. В первой не было фотографии, но текст о деформации присутствовал. Во второй к нему добавились размеры: одиннадцать с половиной на семь сантиметров. В третьей Лидия исправила время прибытия с 4:02 на 3:40. Строка о вмятине оставалась на месте.

— А чистовик? — спросила дознавательница.

Михаил открыл файл, который утром получил по электронной почте от заводской комиссии. Он был сформирован в 5:27. Время стояло ложное — 3:40. После описания разрыва сразу шёл абзац о предполагаемом износе. Овальной деформации не было.

Лидия смотрела на экран через его плечо.

— Я не удаляла.

— В вашей последней локальной версии строка есть, — сказал Михаил. — Это подтверждает только состояние файла на планшете в пять ноль две.

— В пять десять я отправила его Волкову. Сеть внизу не брала, поднялась сюда и отправила.

— Почтой?

— Через заводскую папку обмена. Он сказал, что добавит номер оборудования и подпись механика. У меня не было доступа к их реестру.

— Кто сформировал файл в пять двадцать семь?

— В свойствах должно быть.

Свойства показывали не имя, а служебную учётную запись «commission-3». Такими записями часто пользовались несколько работников, и превращать название компьютера в фамилию было нельзя. Михаил открыл сведения о документе. В истории было указано: исходный файл принят в 5:11, изменён в 5:24, сохранён в 5:27. Удаление строки произошло не на планшете Лидии, а между приёмом заводской папкой и созданием чистовика.

— Сделайте снимки экрана, — сказал он дознавательнице. — Вместе с часами и номером пломбы. Потом нужен образ планшета, без подключения к заводской сети.

Лидия села.

— Теперь вы мне верите?

— Я верю последовательности файлов. Вы изменили время. Кто-то после вас удалил вмятину. Это два отдельных действия.

— Я время сдвинула ради Тамары. Если написать, что мы приехали поздно, они бы начали спорить о сохранности места, тянули бы выплату. Я хотела убрать один повод.

— И дали другому человеку готовый акт, которому нельзя доверять целиком.

— Знаю.

Она сказала это без защиты. Михаил не смягчил голос. Жалость могла объяснить поступок, но не делала документ точнее.

— Кто знал о вмятине до отправки?

— Вы. Я. Волков. Главный механик Лазарев стоял рядом, когда я мерила. Ещё какой-то слесарь принёс фонарь.

— Имя слесаря?

— Не спросила. Невысокий, в серой робе. На каске наклейка была содрана.

— Возраст?

— Около сорока. Может, меньше. Он всё время держался лицом к баку.

— Что сказал?

— Что это старая вмятина от ремонта. Волков велел не засорять акт мелочами. Я ответила, что удалять не стану.

— При нём?

— При обоих.

Михаил записал описание, не подсказывая ей фамилию Антона или Рустама. Невысокий человек мог быть любым рабочим. Содранная наклейка тоже ничего не доказывала. Но теперь существовали три времени: 4:21 — фотография отдельной вмятины, 5:02 — строка в последнем файле Лидии, 5:24 — правка на заводском компьютере. Между ними проходила граница, которую нельзя было объяснить ошибкой синхронизации.

В коридоре появился Волков. Он шёл быстро, не снимая пальто. За ним семенил главный механик с толстой синей папкой.

— Осмотр закончен? — спросил Волков с порога.

— Нет, — ответил Михаил.

— Тогда почему вы вскрываете служебные файлы без представителя завода?

Дознавательница подняла журнал фиксации.

— Планшет принадлежит страховой группе и был опечатан в моём присутствии.

Волков посмотрел на Лидию.

— Уже нашли, кто перепутал версии?

— Версии не перепутаны, — сказал Михаил. — В последней локальной версии есть овальная деформация. В заводском чистовике её нет.

Главный механик перестал листать папку.

— Какая ещё деформация?

— Та, возле которой вы стояли, пока Коренева делала замер.

Лазарев покраснел пятнами.

— Я у бака не стоял. У меня люди линию глушили.

Лидия повернулась к нему.

— Вы держали рулетку.

— Не держал.

— Синюю, с треснутым корпусом.

Механик прижал папку к животу.

— Мало ли у кого синяя рулетка.

Волков шагнул между ними.

— Прекратите. После такой ночи память у всех скачет. Михаил Андреевич, бак старый. На нём десятки следов ремонта. Если в акт не попала одна вмятина, это не меняет причину разрыва.

— Причина ещё не установлена.

— Завод не может неделю стоять из-за вашей осторожности.

— А человек не может второй раз умереть ради вашей скорости.

В комнате стало тихо. Волков не повысил голоса.

— Вы опять намекаете на убийство, не имея заключения.

— Я говорю о порядке повреждений. Точечный удар продавил стенку внутрь. Разрыв раскрыл её наружу. Вмятину зафиксировали отдельно, а потом удалили из документа. Мне нужно установить, когда она появилась и кто правил файл.

— Учётная запись общая, — сказал Волков. — За компьютером сидели пятеро.

— Назовите пятерых.

— Запросите официально.

— Уже.

Михаил показал копию требования, которое отправил с телефона, пока шёл из корпуса. Волков прочитал верхнюю строку и вернул лист.

— Вы любите бумагу.

— Бумага хотя бы хранит, кто и когда из неё исчез.

Телефон Волкова зазвонил. Он посмотрел на экран, сбросил вызов и вышел в коридор. Через стекло двери Михаил видел, как тот всё-таки перезвонил. Слов было не слышно. Главный механик остался у стола, но теперь смотрел только на синюю папку.

— Паспорт сосуда принесли? — спросил Михаил.

Лазарев молча положил папку перед ним. На обложке был инвентарный номер воздухосборника. Несколько листов в середине заменили новыми копиями, белыми среди пожелтевших страниц. Михаил не стал листать без фиксации.

— Передайте через Юдину. Она запишет состояние и номера листов.

— Там всё нормально.

— Тогда запись вам не повредит.

Лазарев ушёл следом за Волковым. Лидия проводила его взглядом.

— Я не ошиблась, — сказала она. — Он держал рулетку.

— Ошибка возможна. Поэтому найдём фотографии, людей и саму рулетку.

— Вы всегда так отвечаете?

— Когда чужая уверенность может стать моей ошибкой — да.

Михаил сохранил номера версий в блокнот и попросил дознавательницу снова опечатать планшет. На этот раз Лидия поставила подпись ровно. Её ложь о времени осталась ложью. Но теперь рядом с ней было чужое действие, совершённое позже и с другой целью.

Соколов прислал сообщение: у старой поликлиники нашли свежий след шин, совпадающий по рисунку с заводской «Нивой», но такой рисунок ставили на сотни машин. Вход пока не вскрывали. Камера оказалась подключена к посту охраны третьего корпуса.

Михаил вышел на лестничную площадку. Из окна было видно крышу цеха и тонкую мачту с камерой возле поликлиники. Между зданиями тянулась территория завода, где каждый путь проходил через чью-то проходную, каждый ключ числился за отделом, а каждое имя можно было вписать вместо другого.

Он записал в блокноте две строки.

Первая вмятина — металл внутрь, до разрыва или независимо от него.

Вторая — в документе: строка исчезла между 5:11 и 5:24.

Одна хранила след удара. Другая — след руки, которая решила, что удара не было.

Глава 4. Город одной проходной

Вера позвонила, когда Михаил спускался с лестницы административного корпуса.

— Пап, ты можешь говорить?

— Пять минут.

— Мне не пять минут нужно.

По голосу он понял, что она стоит не в мастерской. Там всегда гудел вытяжной шкаф и кто-нибудь просил подать ключ, придержать форму или принести чай. Сейчас за Верой была тишина, в которой иногда проезжали машины.

— Где ты?

— У банка.

Михаил остановился между этажами. За мутным окном виднелась заводская площадь. На ней росла искусственная ель, ещё не разобранная после праздника. Красные шары раскачивались на ветру.

— Что сказал управляющий?

— Ничего нового. До понедельника нужно сто восемьдесят тысяч. Иначе они подают требование по залогу.

— Станки не заберут за один день.

— Я знаю. Но счёт уже ограничили. Мы не можем купить смолу и заплатить Саше с Наташей. У нас три готовых заказа лежат без окончательной подгонки.

— Я переведу, сколько есть.

— У тебя сорок две тысячи после аренды и алиментов за склад.

Он не спросил, откуда она знает точную сумму. После смерти матери Вера научилась видеть его деньги лучше, чем он сам. Не просила отчёта, просто однажды завела общую папку для счетов мастерской и стала складывать туда всё, что могло пригодиться.

— Есть страховой аванс за поездку, — сказал Михаил.

— Он не твой. Ты потом гостиницу чем закроешь?

По лестнице поднялся мужчина в рабочей куртке. Увидев Михаила, замедлил шаг, будто узнал, но прошёл мимо. В этом городе новости двигались быстрее транспорта.

— Вера, я закончу осмотр и приеду.

— Ты не приедешь. У тебя погибший и завод. Я звоню не затем, чтобы ты всё бросил.

— А зачем?

Она помолчала.

— Сказать, что я подала на отсрочку сама. Если откажут, будем разговаривать с поставщиками. Только не бери быстрых денег у тех, кто потом попросит услугу.

Михаил посмотрел вниз. На первом этаже у турникета стоял Волков и говорил с начальником охраны. Журов увидел Михаила первым. Волков поднял голову.

— Почему ты это говоришь? — спросил Михаил.

— Потому что ты в заводском городе. Там всегда кто-нибудь может помочь через знакомого.

— Мне уже помогли запиской на машине.

— Вот именно.

Она отключилась прежде, чем он успел спросить о банке подробнее.

Волков ждал внизу один. Журов ушёл за стеклянную перегородку поста, но дверь оставил приоткрытой.

— Прогуляемся? — предложил технический директор.

— Если разговор относится к осмотру, лучше здесь и при свидетеле.

— Относится к вашей дочери.

Михаил не показал удивления. Волков кивнул на выход.

— На улице холодно, — сказал он. — Зато стены не слушают.

— Стены меня не беспокоят.

— Тогда столовая. Там сейчас пусто.

Они прошли по переходу в старое кирпичное здание. На стенах висели фотографии передовиков производства: лица людей разных лет, одинаковые синие каски, красные флажки рядом с фамилиями. Под последней рамкой стоял автомат с бахилами, давно пустой.

Столовая занимала весь второй этаж. Столы были составлены в ряды, стулья подняты сиденьями вниз. За раздаточной женщина в белом халате протирала металлические лотки. Увидев Волкова, она ушла на кухню.

— Чай? — спросил он.

— Нет.

— Я всё равно возьму.

Он налил кипяток из большого бака, бросил в стакан пакетик и сел у окна. Михаил выбрал место напротив, положил телефон на стол экраном вверх и открыл блокнот.

— Вы записываете каждый разговор? — спросил Волков.

— Важный.

— А как решаете, какой важный?

— Обычно это становится ясно по первой минуте.

Волков вынул чайный пакетик, обмотал нитку вокруг ложки и отжал. Движения у него были хозяйские и спокойные. Он знал, где лежит сахар, где выключатель, как позвать повара. Завод был для него не местом работы, а продолжением дома, только с тысячами жильцов.

— Ваша дочь арендует помещение у кооператива «Север», — сказал он. — Делает протезные гильзы и ортезы.

— Откуда сведения?

— Каменолесье маленькое. Мы заказывали у неё накладки для травмированных рабочих.

— Через отдел закупок?

— Через благотворительную программу.

— Назовите договор.

Волков улыбнулся.

— Вы и правда каждое слово превращаете в акт.

— Вы начали разговор с долга моей дочери.

— Я начал с того, что её мастерская полезна городу. У них сейчас трудность. Банк требует платёж, поставщик задержал смолу, городской заказ завис в комиссии. Всё это можно решить.

Михаил записал время: 10:36. Потом — место и присутствующих. В графе свидетелей поставил прочерк.

— Каким способом?

— Завод оплатит старый заказ досрочно. И разместит новый. Сто восемьдесят тысяч — не те деньги, из-за которых нужно закрывать мастерскую.

— Старый заказ выполнен?

— Почти.

— Тогда досрочная оплата возможна по договору, если он её предусматривает. Дочь сама подаст документы.

— Там договор не с заводом, а с фондом. Я могу позвонить.

— Звоните при ней. Моё заключение к этому отношения не имеет.

Волков отпил чай.

— Конечно. Я ничего такого и не сказал.

— Тогда зачем сказали мне, а не ей?

За окном по площади шли рабочие. Их выпускали из столовой группами, записывая у двери фамилии. Каждый проходил через одну проходную, даже если работал на другом конце заводской территории. Город строили вокруг этих ворот, и теперь любой путь — к банку, больнице, школе, мастерской — рано или поздно упирался в человека, который мог ускорить пропуск.

— Потому что вы отец, — ответил Волков. — И понимаете цену задержки. Вы сейчас выбираете не между правдой и ложью. Причина разрыва ясна: усталость металла, нарушение режима, старое оборудование. Спор только о формулировках и сроках. Если вы напишете предварительный вывод сегодня, страховая начнёт процедуру. Вдова получит деньги. Рабочие вернутся. Вера сохранит мастерскую.

— Какая формулировка вас устроит?

— Не меня. Город. «Внезапное разрушение сосуда вследствие накопленного износа». Дальше можете исследовать сколько угодно.

— Без упоминания точечного удара?

— Если он не связан с разрывом, зачем смешивать?

— Откуда вы знаете, что не связан?

— Вы сами сказали: воздействия разные.

Михаил поднял глаза от блокнота. Эту фразу он произнёс в комнате комиссии при Волкове, но тогда уточнил только направления деформации. Технический директор запомнил удобную половину.

— Разные не значит несвязанные, — сказал Михаил. — События могли идти одно за другим.

— А могли не идти. На баке сотни следов.

— Строку удалили только об одном.

— Потому что Коренева набросала сырой акт. Вы делаете преступление из редакторской правки.

— Кто редактировал?

— Установим.

— Когда?

— После запуска.

— Значит, запуск для вас важнее выяснения, кто изменил документ о смертельной аварии.

Волков поставил стакан. Тонкий пластик смялся под пальцами.

— Для меня важны две тысячи семьсот человек. Если завод простоит неделю, заказ уйдёт. Если заказ уйдёт, в феврале платить будет нечем. Вы уедете в областной центр, ваша Коренева — в свой офис, следователь получит следующее дело. А эти люди останутся здесь.

— Кулагин тоже был одним из них.

— Именно. У него вдова. Вы хотите оставить её без выплаты из-за строки, которую кто-то вычеркнул?

— Выплату задерживает ложное время в акте и попытка скрыть повреждение. Не мой осмотр.

— Красиво. Только Тамара Кулагина не отличит причину от повода. Ей нужны деньги.

Михаил почувствовал знакомое давление под рёбрами. Не страх и не сомнение — желание закончить разговор одной подписью. Вера могла сохранить мастерскую. Вдова могла получить аванс. Завод мог открыть хотя бы безопасные участки. У каждого результата было человеческое лицо, а отказ выглядел упрямством человека, который не отвечает за чужую зарплату.

Он посмотрел на собственную запись. Волков не произнёс слов «в обмен». Он поставил помощь и заключение рядом, оставив между ними маленькое пустое место. Если Михаил согласится, каждый сможет утверждать, что одно не было условием другого.

— Повторите предложение, — сказал он.

— Какое?

— Завод оплачивает долг мастерской, я сегодня пишу предварительный вывод об износе.

— Я не связывал эти вещи.

— Тогда разделим. Первое: вы передаёте Вере официальный контакт фонда и не участвуете в решении. Второе: я продолжаю осмотр без предварительного вывода до получения данных. Согласны?

Волков откинулся на стуле.

— Вы лишаете себя здравого смысла ради красивой независимости.

— Согласны?

— Фонд не обязан с ней разговаривать.

— Значит, помощь зависела от вашего участия.

— В этом городе всё зависит от чьего-то участия.

— Моё заключение — нет.

Михаил развернул блокнот к нему. На странице были записаны время, место и содержание предложения. Внизу он оставил строку для замечаний.

— Прочитайте. Если я исказил ваши слова, исправьте и подпишите.

Волков не взглянул на страницу.

— Вы серьёзно?

— Да.

— Я предложил помочь вашей дочери.

— И назвали формулировку, которую хотите получить сегодня.

— Не подпишу.

— Я отмечу отказ.

— Отмечайте что хотите.

Михаил написал: «С. О. Волков от чтения и подписи отказался в 10:49». Сфотографировал страницу вместе с часами столовой и отправил снимок Соколову и в защищённую папку страховой компании. Затем составил короткое уведомление руководителю: выявлен личный конфликт интересов, связанный с долгом предприятия дочери эксперта; любые выплаты или заказы мастерской до окончания проверки считать основанием для отвода, предварительное заключение не выдавать без второго независимого подписанта.

Волков следил, как он печатает.

— Вы понимаете, что теперь свою дочь подставили? — спросил он.

— Под что?

— Под проверки. Фонд увидит конфликт, банк узнает про риски, заказ отложат. Иногда бумага не защищает, Михаил Андреевич. Иногда она просто сообщает всем, куда бить.

— Это угроза?

— Совет от человека, который здесь живёт.

— Я тоже здесь жил.

Волков впервые удивился.

— Когда?

— До шестнадцати лет. На Станционной, дом двенадцать. Отец работал в прокатном.

— Ратников… Виктор Ратников?

— Да.

Волков посмотрел на него иначе, словно фамилия перестала быть строчкой в договоре.

— Ваш отец ушёл после сокращения.

— После того как отказался подписывать приёмку валков с трещиной.

— Старая история.

— Для города — старая. Для семьи она длилась десять лет.

Отец возил мебель, сторожил склад, ремонтировал соседям проводку. Каждый раз, когда дома не хватало денег, мать говорила, что зато он поступил честно. Михаил ненавидел эту фразу. Честность не покупала зимние ботинки и не возвращала человеку работу. Только позже он понял: отец не выбирал между честностью и достатком. Ему предложили выбрать, кто заплатит за треснувший металл, если тот разрушится.

— Значит, вы приехали сводить счёты, — сказал Волков.

— Нет. Поэтому я и сообщил о конфликте до заключения.

— А дочь знает вашу семейную легенду?

— Знает документы. Легенды ей не нужны.

Волков встал и отнёс смятый стакан к урне.

— Вы думаете, проходная делит мир на тех, кто внутри, и тех, кто снаружи. На самом деле она держит город вместе. Стоит ей закрыться — разбегутся все.

— Тогда не заставляйте людей входить под чужими именами.

Рука Волкова замерла над урной лишь на мгновение. Он выбросил стакан и ушёл, не попрощавшись.

Михаил остался у окна. Через площадь тянулась очередь к проходной. Охранник сверял пропуска вручную. Среди рабочих он заметил женщину в зелёном пуховике — Тамару Кулагину. Она стояла у самого ограждения и спорила с охраной. Михаил спустился.

— Я жена Бориса, — повторяла она молодому охраннику. — Мне сказали забрать его вещи.

— Без разрешения следователя нельзя.

— Мне не нужны ваши железки. Там лекарства и ключи от квартиры.

Охранник увидел Михаила и обрадовался возможности передать решение другому.

— Вы из комиссии? Объясните ей.

— Личные вещи опечатаны, — сказал Михаил. — Ключи можно выдать после описи, если Соколов разрешит. Я ему позвоню.

Тамара разглядывала его сухими воспалёнными глазами.

— Это вы остановили выплату?

— Выплата ещё не начиналась. Акт содержит исправления, их проверяют.

— Лида хотела помочь.

— Знаю.

— Тогда зачем вы её держите?

— Её не держат. С ней оформляют объяснение.

— Все слова правильные, а денег нет.

Михаил не стал говорить, что страховая процедура в любом случае заняла бы время. Для Тамары сутки после смерти мужа уже были отдельной жизнью, и в ней счета не исчезали из уважения к горю.

— У вас есть срочные расходы? — спросил он.

— Морг, потом похороны. На карте восемь тысяч. Зарплату Борис получал двенадцатого.

— Завод обязан выплатить начисленное независимо от страхового акта. И есть помощь семье погибшего по коллективному договору.

Тамара покачала головой.

— Волков сказал, всё будет вместе, когда комиссия закончит.

— Кто именно сказал?

— Сергей Олегович. Утром приезжал ко мне. Просил не слушать слухи и не разговаривать с рабочими.

— Почему?

— Чтобы не мешать расследованию.

Михаил записал время её разговора с Волковым. Потом позвонил Соколову насчёт ключей и в отдел кадров — насчёт начисленной зарплаты. Начальница отдела сначала сослалась на отсутствие директора, но после просьбы назвать пункт, запрещающий выплату вдове, пообещала подготовить расчёт к вечеру.

— А помощь? — спросил Михаил.

— После заключения комиссии.

— Пришлите коллективный договор.

— Он внутренний.

— Тамара Кулагина сторона, чьё право в нём записано. Дайте копию ей.

Он закончил разговор и объяснил Тамаре, куда подойти. Она слушала недоверчиво.

— А страховка?

— Я не обещаю срок. Но ложный быстрый акт опасен: если его отменят, вы потеряете больше времени. Я проверяю не Бориса. Я проверяю, что с ним сделали.

Тамара сжала ручки сумки.

— Он не полез бы к баку, если давление гуляло. Он двадцать лет там работал.

— Кто утверждает, что полез?

— Волков. Сказал, Борис сам пошёл смотреть шум и попал под разрыв.

— Когда сказал?

— Сегодня, около восьми.

В восемь у комиссии ещё не было даже предварительной схемы. Михаил записал и это.

— Борис вчера звонил вам ночью?

— В половине третьего. Сказал, чтобы я не ждала и закрыла дверь на цепочку.

— Почему на цепочку?

— Не знаю. Я спросила, что случилось. Он сказал: «На заводе опять экономят на времени». Потом кто-то его позвал.

— Мужской голос?

— Да. Далеко. Борис ответил: «Иду, Сергей Олегович».

Шум проходной будто отодвинулся. Михаил не позволил себе сразу связать имя с Волковым. На заводе мог быть другой Сергей Олегович, запись могла сохраниться, а память Тамары — ошибиться после бессонной ночи.

— Звонок остался в телефоне?

— Остался.

— Не удаляйте и не пересылайте. Соколов оформит осмотр. Если есть запись автоответчика или голосовое сообщение, тоже не открывайте лишний раз.

Тамара достала телефон, но Михаил остановил её жестом.

— Здесь не надо. Подождите капитана.

Она убрала аппарат.

— Борис боялся Волкова?

— Борис никого не боялся. Поэтому я и боялась за него.

Охранник принёс конверт с ключами. Соколов разрешил выдать их после фотографии и подписи. Тамара расписалась, прижала конверт к груди и ушла к отделу кадров.

У турникета её пропуск не сработал. Охранник открыл боковую калитку вручную.

Михаил смотрел, как она идёт через площадь. В городе одной проходной даже вдове требовалось чужое разрешение, чтобы получить деньги мужа, забрать его ключи и выйти обратно.

Телефон подал сигнал. Руководитель страховой ответил на уведомление: конфликт зарегистрирован, второго эксперта пришлют на следующий день, до его прибытия Михаил вправе сохранять доказательства, но не подписывать вывод о причине аварии.

Следом пришло сообщение от Веры: «Банк отказал. Я справлюсь. Ничего у завода не проси».

Михаил набрал её номер. Она ответила сразу.

— Я уже ничего не попросил, — сказал он.

— Предлагали?

— Да.

— За что?

— Формально ни за что. Рядом попросили быстрый вывод.

Вера выдохнула.

— Ты записал?

— И сообщил о конфликте. Теперь мой вывод будет подписывать второй эксперт.

— Значит, дольше.

— Да.

— И мастерской денег не будет.

— Похоже на то.

На другом конце снова зашумели машины. Вера, вероятно, шла через площадь к мастерской.

— Я злюсь, — сказала она. — Но не на тебя. Просто злюсь.

— Имеешь право.

— Мы продадим запасной фрезер. Он всё равно простаивает.

— Не продавай сегодня. Вечером посмотрим договор и отсрочку.

— Хорошо. А ты не пытайся спасти весь город одним актом.

— Не буду.

— Ты всегда так говоришь.

Она отключилась.

Михаил вернулся к машине. Под дворником не было новых записок. Он сел, включил диктофон и надиктовал служебную заметку, отделяя факты от предположений. Волков предложил содействие в оплате долга мастерской. В том же разговоре назвал желаемую формулировку предварительного вывода. Прямую связь отрицал, от подписи под записью отказался. Конфликт раскрыт страховщику до вынесения заключения. Тамара сообщила о звонке Кулагина в половине третьего и обращении к человеку по имени и отчеству; сообщение нуждалось в проверке телефона.

Он остановил запись. На площади включились громкоговорители. Женский голос объявил, что дневная смена распущена до особого распоряжения. Люди двинулись к единственной проходной. Сначала медленно, потом плотнее. Охранники открыли вторую створку.

Волков стоял на крыльце административного корпуса и смотрел на поток. Издалека он казался человеком, который один держит ворота открытыми.

Михаил знал, как легко в таком городе перепутать власть с заботой. Особенно когда забота называла точную сумму долга.

Глава 5. Чужие ботинки

К девяти утра снег у проходной превратился в серую крупу. Дневную смену распустили, но люди не расходились: стояли группами у автобусных остановок, курили под запрещающими табличками и смотрели на завод так, словно ждали, что трубы первыми объявят решение о закрытии.

Михаил прошёл через боковую калитку по временному пропуску. Охранник долго сверял его паспорт с листом допуска, хотя видел его меньше часа назад.

— В третий корпус больше не пускают, — сказал охранник.

— Кто распорядился?

— Технический директор.

— А полиция?

Охранник подвинул к себе журнал и не ответил. За стеклом поста сидел мастер охраны Павел Журов — тот самый, чья заводская «Нива» стояла у котельной, когда Михаил разговаривал с Глебом. Журов говорил по телефону, прикрыв трубку ладонью. Увидев Михаила, он отвернулся.

Михаил набрал Соколова. Капитан ответил после третьего гудка.

— Я у проходной. Волков закрыл третий корпус.

— Не Волков, а я. Пока Юдина снимает следы. Вас она просила дождаться.

— Журов на посту.

— Пусть сидит. Внутрь его не пускаю.

Это было сказано достаточно громко, чтобы услышал охранник. Тот открыл калитку, не глядя Михаилу в лицо.

Светлана Юдина ждала в коридоре ремонтной службы. Белый комбинезон она сменила на серый, но бахилы поверх ботинок оставила. Рядом стояли два пластиковых ящика, фотографический штатив и рулон жёлтой ленты.

— Наконец-то, — сказала она. — Я нашла ваши короткие шаги. Только они никого не выводят наружу.

— Покажите сначала, откуда вы их ведёте.

— Правильный вопрос.

Она протянула ему одноразовые бахилы и повела к лестнице. На площадке перед входом в третий корпус стоял Соколов. Он держал в руке прозрачный пакет с куском серой ткани.

— С одежды Кулагина? — спросил Михаил.

— С края ремонтного люка. Сравнение будет позже. Пока только похожий цвет.

— Где люк?

— Увидите. Но руками ничего не трогать.

Замок на двери корпуса был опечатан полосой бумаги с двумя подписями. Соколов проверил печать, разрезал её и вписал время в лист осмотра. За дверью пахло остывшим металлом, мокрой пылью и чем-то кислым, похожим на старую аккумуляторную.

Красная лампа над пультом РК-2 теперь не горела. От этого пульт казался безобиднее, чем утром. Михаил заставил себя не смотреть на воздухосборник и пошёл за Юдиной вдоль размеченной дорожки.

Она остановилась у шкафа с пожарным рукавом.

— Здесь начинается то, что можно считать отдельным следом. Видите?

На полу лежала тонкая плёнка светлой пыли. Поверх неё пересекались отпечатки тяжёлой обуви: широкие подошвы с крупными прямоугольниками, гладкий каблук, следы тележки. У стены один отпечаток был меньше остальных. Носок узкий, поперёк середины — две волнистые полосы, а у наружного края каблука не хватало треугольного кусочка.

— Размер?

— По следу примерно сорок первый. Может быть сорок второй, если обувь дешёвая и короткая. У Глеба сорок пятый — он показал ботинки в котельной, я получила фотографию от Соколова. У Антона, по словам Глеба, сорок первый.

— Слова брата не измерение.

— Поэтому я и не подписываю имя под подошвой.

Юдина положила рядом масштабную линейку. Михаил присел, не заходя за ленту. Отпечаток был направлен от воздухосборника к северной стене. Через метр находился второй — только половина носка. Дальше пыль была смазана множеством ног.

— Почему вы решили, что это короткий шаг того же человека, чья каска была подогнана под меньшую голову?

— Не решила. Предположила. Есть размер, есть длина шага, есть направление. Каска — другой предмет и другая группа признаков. Связать их можно только обувью Антона или устойчивой дорожкой.

Михаил выпрямился.

— Дорожка есть?

— Кусками. Пол мыли не везде одинаково.

Она повела их к северной стене. Там проход между станиной и ограждением сужался до метра. На жёлтой краске ограждения осталась свежая чёрная полоса на высоте колена. За станиной обнаружился ещё один отпечаток с тем же выбитым треугольником на каблуке.

— От места аварии к проходной идут через центральный коридор, — сказал Михаил. — Здесь путь длиннее.

— И заканчивается не у выхода.

В стене была дверь без номера. Её перекрывала металлическая планка, прикрученная двумя болтами. На планке висела табличка: «Ремонтный пролёт закрыт. Проход запрещён». Один болт был покрыт ровной красной краской, второй блестел свежими гранями.

Соколов сфотографировал крепление.

— Кто открывал? — спросил он.

— По журналу никто, — ответила Юдина. — Пролёт закрыли три месяца назад после провала настила.

— Журнал у кого?

— У главного механика.

Михаил вспомнил Лазарева, который отрицал синюю рулетку и слишком внимательно следил за временем сохранения акта.

— Сначала снимите следы с болта, — сказал он. — Потом открывайте.

— Спасибо, эксперт, — сухо отозвался Соколов. — Без вас бы гаечным ключом по отпечаткам прошлись.

— Я говорю это для себя.

Капитан посмотрел на него и кивнул. Спорить дальше не стал.

Юдина обработала блестящий болт порошком. Чётких отпечатков не появилось: поверхность была исцарапана инструментом, а человек, открывавший дверь, вероятно, работал в перчатках. Зато на нижнем краю планки нашлась нитка рыжей пряжи.

— Такая же, как на каске? — спросил Михаил.

— Цвет похож. До сравнения — просто рыжая нитка.

Она упаковала находку отдельно. Рабочий из аварийной службы принёс ключи и аккумуляторный гайковёрт. Соколов не позволил ему подойти к двери, взял инструмент сам и отвернул оба болта. Планка отошла с сухим треском. Из щели потянуло холодом.

За дверью не было света. Луч фонаря выхватил узкий пролёт между наружной стеной корпуса и старой ремонтной эстакадой. Часть металлического настила сняли, вместо него лежали доски. Внизу, двумя метрами ниже, тянулись трубы и кабельные лотки.

— Без страховки не пойдём, — сказала Юдина.

— Позовём заводских, и через пять минут весь завод узнает, что мы нашли, — ответил Соколов.

— Тогда зовите не заводских, а пожарных.

Капитан отошёл звонить. Михаил посветил на порог. В серой пыли отпечатался тот же узкий носок. Каблук сохранился полностью: наружного треугольника не хватало.

След был направлен внутрь.

Рядом находился другой, слабее. Он шёл обратно к двери, но обрывался на чистом металлическом листе.

— Вошёл и вышел? — спросил Михаил.

— Или здесь ходили несколько раз, — сказала Юдина. — Не торопитесь превращать два следа в один маршрут.

Она опустилась на корточки и подсветила порог сбоку.

— Смотрите на наложение. След внутрь поверх серой пыли. Обратный след частично перекрыт полосой ржавчины, которая осыпалась, когда открывали планку в последний раз. Если ржавчина действительно с неё, обратный старше входящего.

— Значит, человек вошёл после того, как дверь уже закрывали.

— Возможно. Для уверенности надо сравнить состав.

Михаил посмотрел в тёмный пролёт. Если след принадлежал Антону, тот после смены не пошёл к проходной. Он спрятался или его заставили войти сюда. Потом в семь ноль две он позвонил из закрытой поликлиники, находившейся на другом конце заводской территории. Между этими точками должен был существовать путь, которого не было на обычной схеме.

— Куда ведёт пролёт?

Юдина развернула бумажную копию плана.

— По этой схеме заканчивается у северной стены. Но здесь отметка о лестнице вниз. Она зачёркнута.

— Когда внесли изменение?

— На копии даты нет.

Соколов вернулся.

— Пожарные будут через двадцать минут. План никому не показываем. Михаил, выйдем.

В коридоре капитан прикрыл дверь и сказал тихо:

— Пока ехал сюда, мне звонил Журов. Спрашивал, нашли ли мы проход к старой поликлинике.

— Вы говорили ему о пролёте?

— Нет.

— Юдина?

— Нет.

— Кто знал, что вы вскрываете северную стену?

— Я, Юдина и дежурный прокурор. Рабочий с ключами получил приказ принести инструмент к третьему корпусу, без номера двери.

Михаил посмотрел на закрытую дверь.

— Журов не спрашивал, что вы нашли. Он назвал место, к которому может вести проход.

— Именно.

— Его «Нива» была у котельной. Свежие следы похожей машины есть у поликлиники. И камера поликлиники подключена к его посту.

— Похожей машины, — напомнил Соколов. — Таких на заводе четыре.

— Я помню.

Капитан убрал телефон в карман.

— А Волков только что потребовал вернуть охрану в корпус. Говорит, полиция оставила опасный объект без ответственного лица.

— Удобная забота.

— В городе одной проходной вся власть называется заботой.

Михаил не ответил. Соколов повторил его собственную утреннюю мысль почти теми же словами, но в голосе капитана не было согласия. Было предупреждение: не считать себя единственным человеком, который видит очевидное.

Они вернулись к порогу, когда прибыли пожарные. Двое мужчин в касках установили переносную лестницу и проверили воздух прибором. Первым вошёл Соколов, за ним Юдина. Михаил остался у двери: его страховка и полномочия не позволяли лезть на аварийный настил, а превращать нарушение в доблесть он не собирался.

Он наблюдал по свету фонарей. Лучи двигались вдоль стены, опускались вниз, задерживались на трубах. Через несколько минут Юдина позвала:

— Здесь одежда.

Соколов попросил Михаила подойти только до безопасной площадки. На трубе за опорой висела синяя куртка с нашивкой «Г. Нестеров». Правый рукав был разорван у манжеты. Из кармана торчала рабочая перчатка. На полу стоял один ботинок — сорок первого размера, как показала тиснёная цифра на язычке. На наружном краю каблука отсутствовал треугольный кусок резины.

Второго ботинка не было.

— Теперь можно связать след с одеждой, — сказал Михаил.

— С ботинком, — поправила Юдина. — А одежду с Антоном ещё предстоит связать.

Соколов осмотрел карманы, не вынимая содержимое. В нагрудном лежала пластиковая карточка Глеба Нестерова. В боковом — смятая квитанция из магазина спецодежды. На ней стояло имя Антона Нестерова и размер обуви.

— Теперь лучше? — спросил капитан.

— Лучше, — сказала Юдина. — Но носил ли ботинок Антон в эту ночь, всё равно покажут не имя на бумаге, а следы внутри.

Михаил ценил её упрямство. Оно не давало находке стать удобнее, чем она была.

За курткой на стене темнела прямоугольная ниша. Крышку кабельного лотка сдвинули, открыв пространство, куда взрослый человек мог протиснуться боком. На пыли сохранился след ладони в перчатке. Дальше шёл узкий технический канал.

— На плане его нет, — сказал Соколов.

— Есть на старом, — отозвался один из пожарных. — Раньше кабели тянули до медпункта. Когда новую подстанцию сделали, ход заложили. Но не везде.

— До старой поликлиники?

— До её подвального щита.

Соколов закрыл глаза на секунду, потом велел никому не двигаться и вызвал вторую группу к поликлинике. Он не произнёс имя Журова. На заводе имена распространялись быстрее приказов.

Михаил снова посмотрел на куртку. Если Антон оставил её здесь сам, он мог переодеться, чтобы выйти незамеченным. Если её сорвали или велели снять, он шёл дальше под чужим контролем. Отсутствующий ботинок означал, что человек мог выйти из пролёта в одной рабочей туфле и одном носке или получить другую обувь. Любая версия требовала действий после аварии.

— На ткани есть кровь? — спросил он.

— На вид нет, — ответила Юдина. — И не ищите драму там, где пока есть пыль и рваный рукав.

— Я ищу признак принуждения.

— Разрыв может быть от этого лотка. Здесь острый край.

Она показала заусенец с синей ниткой. Михаил записал: разрыв куртки объясним проходом через нишу, сам по себе борьбы не доказывает.

Телефон Соколова завибрировал. Капитан прослушал сообщение и выругался без голоса.

— У поликлиники никого. Подвал открыт. Камера смотрит в стену.

— Утром смотрела на двор, — сказал Михаил.

— Теперь крепление повёрнуто. На посту охраны говорят, изображение пропало в восемь сорок семь.

— Журов всё ещё там?

Соколов набрал номер, дождался ответа и спросил дежурного. Его лицо изменилось.

— Вышел пять минут назад. Сказал, что идёт к Волкову.

По пролёту прошёл холодный воздух. Где-то в глубине канала стукнул неплотно закреплённый лист.

— Закройте оба конца, — сказал Михаил. — Если Антон здесь, шум погонит его дальше.

— Командую я, — ответил Соколов, но тут же передал по рации тот же приказ: не входить в канал без пожарных, перекрыть выходы снаружи, никого не задерживать в одиночку.

Михаил вернулся в основной корпус. На площадке у двери стоял главный механик Лазарев. Он был без каски, в пальто поверх рабочей куртки.

— Я отвечаю за пролёт, — сказал он. — Почему меня не вызвали?

— Потому что он закрыт, а открывали его без записи, — ответил Соколов.

— Болт мог разболтаться.

— Сам отвернулся, снял краску, потом завернулся обратно?

Лазарев посмотрел на Михаила.

— Вы понимаете, что остановили предприятие из-за одного следа?

— Предприятие остановил разрыв воздухосборника, — сказал Михаил. — След только показал, что человек после аварии не вышел через проходную.

— Какой человек?

— Тот, чья обувь осталась в пролёте.

Лазарев побледнел не сразу. Сначала его взгляд метнулся к закрытой двери, потом к Соколову.

— Нашли ботинки?

Михаил заметил множественное число.

— Почему вы решили, что их два?

— Вы сказали «обувь».

— Я сказал «чья обувь». Найден один ботинок.

Лазарев сжал губы.

— Значит, второй мог быть на ноге.

— Мог.

— И человек мог уйти сам.

— Мог.

Главный механик явно ждал обвинения и не получил его. От этого растерялся сильнее.

— Где ключ от пролёта? — спросил Соколов.

— В шкафу ремонтной службы.

— Кто имеет доступ?

— Дежурный механик, мастер участка, я.

— Волков?

— У него мастер-ключ от технических помещений.

— Журов?

— У охраны есть аварийный комплект.

Четыре возможных ключа, один свежий болт и никакого журнала. Михаил записал фамилии, не ставя рядом стрелок. Слишком ранняя схема могла ослепить не хуже отсутствия схемы.

С улицы донёсся гул. Через высокие окна было видно, как у административного корпуса собираются рабочие. Волков поднялся на ступени с мегафоном. Его слов в цехе не было слышно, но толпа отвечала тяжёлым общим шумом.

Лазарев повернулся к окну.

— Он объявит, что страховая тянет время и из-за вас завод не запускают.

— Из-за меня?

— Людям всё равно, кто поставил подпись. Им нужна смена.

— А вам?

Лазарев долго смотрел на Волкова за стеклом.

— Мне нужно, чтобы они получили зарплату.

— Поэтому вы были у бака во время замера?

— Я уже отвечал.

— Вы держали синюю рулетку?

— Нет.

— Вы видели невысокого слесаря без наклейки на каске?

— В третьем корпусе половина слесарей невысокие.

— А ботинок в пролёте видели раньше?

Лазарев сделал шаг к лестнице.

— Нет.

Он ушёл слишком быстро для человека, который пришёл отвечать за помещение.

Соколов проводил его взглядом.

— Давить не будем. Пусть считает, что мы знаем меньше.

— Мы и знаем меньше, — сказал Михаил.

— Иногда вы невыносимы.

— Это взаимно.

У проходной Волков говорил уже без мегафона. Рабочие окружили его плотным кольцом. Когда Михаил вышел из корпуса, несколько человек повернули головы. Кто-то сказал: «Вот страховая». Другой голос ответил: «Из-за них выплат не будет».

Волков заметил Михаила и поднял ладонь. Толпа затихла не сразу.

— Михаил Андреевич, — произнёс он, — людям важно знать, когда вы закончите.

— Моя работа не мешает устранить опасность и выплатить зарплату.

— Но без вашего заключения нельзя запустить линию.

— Линию нельзя запустить без проверки воздухосборников. Это решение надзора, не страховой.

Кто-то у крыльца спросил:

— А сколько проверять?

— Столько, чтобы второй бак не разорвало, — ответил Михаил.

Толпа снова загудела. Волков опустил взгляд, будто сожалел о резкости эксперта.

— Мы все хотим безопасности. Но сейчас полиция ломает закрытые помещения и ищет неизвестно кого. Вы можете объяснить, что найдено?

Он знал о пролёте. Возможно, уже знал о ботинке.

— Следственные действия комментирует полиция.

— Значит, людям опять ничего не скажут.

— Я могу сказать одно: имя в табеле не доказывает, кто находился у оборудования. Поэтому ни одного рабочего нельзя обвинять только по записи смены.

Гул стал тише. Где-то в заднем ряду стоял Глеб — Михаил увидел его серую шапку и широкие плечи. Рядом с ним была Зинаида из котельной. Волков тоже их заметил.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда назовите того, кто работал под чужим именем.

Это была ловушка, рассчитанная не на ответ. Если Михаил назовёт Антона, толпа получит виновного. Если промолчит, Волков объявит, что эксперт покрывает нарушителя.

— Его личность проверяет полиция, — сказал Михаил. — Подмена смены — одно нарушение. Причина разрыва и смерть Кулагина — другие. Я не стану склеивать их ради удобной версии.

Глеб опустил голову. Зинаида взяла его под локоть.

Волков улыбнулся без тепла.

— Очень аккуратно. Только город живёт не формулировками.

— Поэтому особенно опасно ошибиться человеком.

Михаил прошёл к посту. Журова там не было. На его столе лежала раскрытая тетрадь выдачи ключей. Последняя строка была заполнена синими чернилами: аварийный комплект северного пролёта выдан в 2:18 мастеру охраны, возвращён в 3:06. Фамилия получателя — Журов. Подпись расплылась от свежей влаги.

Дежурный охранник увидел, куда смотрит Михаил, и захлопнул тетрадь.

— Служебное.

— Не трогайте страницу. Позовите капитана.

— Я вам не подчиняюсь.

— Тогда просто не трогайте. Камера над вами записывает.

Охранник машинально посмотрел вверх. Красный огонёк камеры не горел.

Михаил набрал Соколова, не отходя от окна. Пока ждал ответа, он увидел на полу под столом крупинку красной краски и мокрый след узкого ботинка. Каблук в отпечатке был целым.

След мог принадлежать кому угодно. Михаил не стал показывать на него охраннику.

Соколов пришёл через две минуты вместе с Юдиной. Тетрадь изъяли при понятых. Юдина сняла крупинку краски и сфотографировала пол. Дежурный повторял, что Журов ушёл к Волкову, а потом, возможно, покинул завод через хозяйственные ворота.

— Там есть камера? — спросил Соколов.

— Была на ремонте.

— Конечно.

Михаил вышел на площадь. Волков уже распустил людей. Глеб стоял у остановки один. Михаил подошёл к нему.

— Вы узнаете этот рисунок? — спросил он и показал фотографию подошвы, не говоря, где найден ботинок.

Глеб взглянул один раз.

— Антохин. Мы вместе покупали. Он вырезал треугольник, потому что каблук тёр пятку.

— Вырезал снаружи?

— Да. Глупо сделал, только хуже стало.

— У него была запасная обувь на заводе?

— Старые кеды в шкафчике. Почему спрашиваете?

— Когда он написал вам «Жив. Не звони», вы ответили?

— Написал: «Где ты?» Сообщение не доставилось.

— Покажите Соколову телефон ещё раз. И не ищите Антона сами.

— Вы нашли его?

Михаил посмотрел на единственную проходную. Через неё Антон не выходил. Его куртка, карта и один ботинок остались в закрытом пролёте, ведущем к поликлинике. Журов

знал о проходе до того, как полиция сообщила находку, и получил ключ в два восемнадцать — за двенадцать минут до звонка Кулагина жене.

Этого хватало, чтобы искать Антона как свидетеля в опасности. Не хватало, чтобы назвать похитителя или убийцу.

— Нашли его маршрут, — сказал Михаил. — И он ведёт не наружу.

Глава 6. Жалость в двух строках

Лидия ждала Михаила в пустой столовой административного корпуса. Стулья были подняты на столы, раздаточные окна закрыты металлическими шторами. Только у дальней стены горела одна лампа, под ней стояли два стакана холодного чая.

— Соколов сказал, меня вызовут официально после обеда, — сказала она. — Значит, до обеда вы хотите услышать удобную версию без протокола?

— Я хочу понять, какие файлы сохранить до того, как исчезнет ещё одна камера.

Она подвинула ему стакан.

— Камера у поликлиники?

— Откуда знаете?

— Здесь уже знают все. Журова ищут, Волков говорит, что полиция устроила охоту на охрану, а Лазарев заперся у себя. Вы нашли Антона?

— Нет.

— Тогда чай пейте. Он плохой, но горячее ничего не будет.

Чай оказался сладким и едва тёплым. Михаил поставил стакан на край стола.

— Вчера вы сказали, что приехали около четырёх, но в акте указали три сорок.

— Не около. Через проходную я вошла в три пятьдесят восемь.

— Зачем написали три сорок?

— Уже объяснила. Чтобы не задерживать выплату.

— Объяснили одной фразой. Мне нужна последовательность.

Лидия посмотрела на закрытые окна раздачи.

— В три двадцать две мне позвонил диспетчер страховщика. Сказал: тяжёлая авария, один погибший, завод просит срочного осмотра. Я выехала из дома в три тридцать. В три сорок была у переезда. Товарный состав стоял поперёк дороги. Я сфотографировала, потому что вечно спорю с бухгалтерией о времени в пути.

— Фотография сохранилась?

— Да. В три пятьдесят две поезд ушёл. В три пятьдесят восемь я приложила пропуск. К баку подошла в четыре шестнадцать. Первый снимок — четыре двадцать одна.

— Почему в акте три сорок?

— Потому что Волков сказал: тело уже увезут, а место начнут освобождать. Если написать, что осмотр начался после вывоза, головная страховая потребует отдельное объяснение и приостановит аванс семье. Я решила, что была на территории с трёх сорока.

— Но вы не были.

— Не была.

Она произнесла это спокойно, словно наконец перестала удерживать тяжёлую дверь.

— Кто попросил изменить время?

— Никто не сказал: «Подделай». Волков сказал, что вдова останется без денег из-за двадцати минут. Я сама вписала.

— Он назвал именно двадцать минут?

Лидия подняла глаза.

— Да.

— Утром он назвал ту же разницу мне, хотя я ему времени не сообщал.

— Он видел черновик. Стоял рядом, когда я заполняла шапку.

— Кто ещё видел?

— Лазарев. И Фомин заходил. Потом пришёл невысокий слесарь без наклейки на каске, принёс рулетку.

— Антон?

— Я не знаю Антона в лицо. Мужчина был в респираторе, каску держал низко. Правое ухо прижато — теперь, после ваших вопросов, я это вспомнила. Но в протоколе я так не скажу. Память могла достроить.

— Правильно.

Лидия усмехнулась.

— Не ожидала похвалы.

— Это не похвала. Это граница между тем, что вы видели, и тем, что узнали позже.

— А моя граница уже пройдена, да?

— Когда вы поставили ложное время.

Она сняла с плеча сумку, достала планшет и положила на стол.

— Поэтому я сделала копию раньше, чем вы спросили. Вчера вы забрали выгрузку, но не всё облако. Здесь исходные фотографии, журнал положения и письмо самой себе.

— Какое письмо?

— В пять ноль семь я отправила на личную почту черновик. Это запрещено правилами компании. Зато его не могли переписать в заводской папке.

— Почему отправили?

— Потому что поняла: помогаю не вдове. Волков подошёл и спросил, можно ли считать овальную вмятину следом разрыва. Я сказала, что она направлена не туда и должна остаться отдельной строкой. Он ответил: «Не усложняйте людям жизнь». После этого я отправила файл себе.

Михаил не прикоснулся к планшету.

— Сначала вызовем Юдину и Соколова. Они снимут копию так, чтобы потом никто не спорил, что мы её изменили.

— Вы мне не верите?

— Верю достаточно, чтобы сохранить доказательство правильно.

— Удобный ответ.

— Точный.

Лидия встала.

— Пока они идут, посмотрите фотографию. Не файл — экран. Время четыре двадцать одна.

Она открыла галерею и положила планшет перед ним. На снимке воздухосборник был ещё целым лишь условно: длинный разрыв уже раскрыл металл, вокруг лежали осколки. Левее шва виднелась овальная вмятина с тёмным центром. Рядом лежала синяя рулетка. В нижнем углу кадра попала нога человека в рабочем ботинке.

Михаил увеличил изображение, не касаясь экрана — Лидия сама провела пальцами.

Подошву видно не было. На носке лежала красная крошка краски.

— Это тот невысокий слесарь?

— Не уверена. Пока я снимала, вокруг ходили четверо.

— Красная краска была у северного пролёта.

— И на половине ограждений завода.

— Верно.

Следующий кадр был сделан в четыре двадцать три. Рулетку держала рука в серой перчатке. На запястье — край синего рукава. Ещё через минуту в кадр попал Лазарев. Он стоял у щита и смотрел не на бак, а в сторону двери.

— Вы говорили, Лазарев держал рулетку.

— Я сказала, что он присутствовал. Рулетку держал кто-то в синей куртке. Лазарев потом забрал её с пола, но при замере мог держать другой.

— Почему в памяти continuity… — Михаил оборвал себя до странного слова. — Почему вчера прозвучало, будто вы видели рулетку у Лазарева?

— Потому что вы спросили быстро, а я ответила неточно. Вот зачем нужны фотографии.

Он записал исправление. Не всякое расхождение было ложью. Иногда человек склеивал два соседних мгновения, а потом защищал получившуюся картину как одно воспоминание.

Соколов пришёл с Юдиной и специалистом по цифровым носителям. Лидия повторила признание уже при включённой камере. Назвала точные времена, показала фотографию у переезда и проход через турникет. Затем подписала согласие на копирование планшета и своей почты.

Специалист работал молча. Он подключил накопитель, зафиксировал номера устройств, сделал контрольные суммы файлов и только после этого открыл письмо в пять ноль семь.

В приложенном черновике строка читалась полностью: «На левой образующей, в 38 см от сварного шва, овальная деформация 74 на 41 мм, направленная внутрь; происхождение не установлено». Ниже стояло время начала осмотра — три сорок.

— То есть в одном файле одновременно есть ваша ложь и чужая неудобная правда, — сказал Соколов.

— Да, — ответила Лидия.

— Кто имел доступ после пяти ноль семь?

— Я отправила заводскую копию в общую папку в пять одиннадцать. В пять четырнадцать Волков попросил заменить слово «предположительно» в строке о коррозии. Я открыла файл с его компьютера, потому что планшет разрядился.

— Пароль вводили сами?

— Да.

— Вышли из учётной записи?

Она молчала.

— Лидия?

— Не помню. Скорее всего, закрыла документ и ушла звонить. Учётная запись была общая, `commission-3`. Пароль приклеен под клавиатурой.

Соколов откинулся на спинку стула.

— Прекрасно.

— Я не отвечаю за заводскую безопасность.

— Вы отвечаете за документ, который открыли под общим паролем.

— А вы отвечаете за человека, которого до сих пор не нашли.

Юдина подняла руку.

— По очереди. Нам нужно установить, что именно изменяли между пятью одиннадцатью и пятью двадцатью семью.

Специалист открыл историю локальных копий. В версии на пять семнадцать строка о вмятине ещё была. В пять двадцать четыре файл сохранили без неё. В пять двадцать семь создали чистовик для печати.

— Можно определить компьютер? — спросил Михаил.

— В свойствах указан терминал комиссии. Физически это мог быть компьютер Волкова или соседний ноутбук, они входили в одну сеть. Нужны серверные журналы.

— Они сохранились?

— Администратор говорит, журнал входов очищается раз в семь дней. Сегодня второй день.

Соколов уже набирал номер.

Лидия смотрела на две версии рядом. В одной были ложное время и вмятина. В другой — то же ложное время, но вмятина исчезла.

— Я думала, исправляю две цифры, — сказала она. — Три пятьдесят восемь на три сорок. Две строки в шапке: прибытие и начало. Казалось, от этого никто не пострадает.

— Уже пострадал, — ответил Михаил.

— Не из-за моих двадцати минут погиб Кулагин.

— Нет. Но из-за них тот, кто удалил вмятину, получил готовое объяснение: документ уже недостоверен, значит, спорить можно обо всём.

Она резко закрыла крышку планшета, но специалист остановил её руку.

— Копирование не закончено.

Лидия отдёрнула пальцы.

— Вы хотите, чтобы я сказала, что убила его двумя строками?

— Нет. Я хочу, чтобы вы не называли жалостью действие, которое лишило документ опоры.

— Тамара получила бы деньги быстрее.

— Вы спросили её, хочет ли она получить их ценой ложной причины смерти мужа?

Лидия встала так резко, что стул ударился о соседний стол.

— Вы легко говорите. У вас есть зарплата, машина, взрослая дочь. А у Тамары вчера на карте было четыре тысячи. Я видела справку.

Михаил вспомнил просроченный платёж мастерской и предложение Волкова. Жалость всегда находила точную сумму. Именно поэтому её было трудно отличить от покупки.

— У моей дочери долг сто восемьдесят тысяч, — сказал он. — Волков предложил закрыть его за быстрый вывод об износе. Если бы я согласился, это тоже можно было бы назвать помощью.

Лидия медленно опустилась на стул.

— Вы отказались.

— Она отказалась первой.

— А если мастерскую закроют?

— Тогда мы будем знать, кто принял решение. Не станем перекладывать его на вдову Кулагина.

Соколов закончил разговор.

— Серверную опечатывают. Администратор пытался запустить очистку вручную. Говорит, Волков велел освободить место перед проверкой.

— Когда велел? — спросил Михаил.

— Десять минут назад.

Лидия посмотрела на письмо, отправленное самой себе.

— Значит, я всё-таки сделала что-то правильно.

— Сохранили копию, — сказал Михаил. — Это не отменяет подделку времени.

— Вы обязательно разделяете каждую вещь?

— Иначе один правильный поступок станет разрешением на все неправильные. Или наоборот.

Юдина сняла перчатки.

— Копия готова. Теперь о фотографии. Овальная деформация точно присутствует в четыре двадцать одну. Широкой протирки вокруг ещё нет. На версии, которую мы снимали утром, поверхность уже протёрта. Значит, кто-то работал с баком между снимком Лидии и нашим осмотром.

— Можно установить время протирки? — спросил Соколов.

— Точно нет. Но на фото четыре пятьдесят восемь край уже светлее. В кадре есть человек с ветошью.

Она увеличила снимок. За баком стоял мужчина в синей рабочей куртке. Лица не было видно. На левом плече темнел прямоугольник сорванной нашивки.

— Такая куртка найдена в пролёте, — сказал Михаил.

— Похожая, — поправила Юдина. — Завод выдал две сотни таких.

Лидия наклонилась к экрану.

— Это тот невысокий слесарь. Я попросила принести чистую тряпку, чтобы увидеть края вмятины.

— Он протирал по вашему поручению?

— Сначала да. Только небольшое место. Потом Волков велел очистить всю стенку, чтобы «оценить коррозию». Я возразила. Он сказал, что бак всё равно изымут.

— Кто принёс ветошь?

— Журов. Из машины охраны.

Соколов записал.

— Слесарь мог быть Антоном?

— Мог. Но я не подтвержу лицо. Он всё время отворачивался.

— Говорил?

— Одну фразу. Когда Волков приказал протирать дальше, слесарь сказал: «Борис велел не трогать». Волков ответил: «Борис уже ничего не велит».

В столовой стало слышно, как в трубах отопления проходит вода.

— Почему вы не сказали это утром? — спросил Соколов.

— Потому что тогда фраза казалась грубой, но обычной. Я ещё не знала, что Кулагин умер не там, где лежал.

— Вы и сейчас этого не знаете, — сказал Михаил.

— Вы так думаете.

— Я вижу признаки переноса. Знанием это станет после проверки.

Лидия устало улыбнулась.

— Даже сейчас.

Её телефон зазвонил. На экране появилось имя Тамары Кулагиной. Лидия не ответила.

— Она звонила утром, — сказала она. — Спрашивала, когда будет выплата. Я обещала перезвонить.

— Перезвоните после допроса. Скажите правду: срок неизвестен.

— И что я сама его задержала?

— Да.

— Вы никогда никого не щадите?

— Щадить человека и лгать ему — не одно и то же.

Соколов велел Лидии оставаться в столовой до официального опроса. Специалист забрал запечатанную копию, Юдина ушла передавать снимки. Михаил собрал записи.

У двери Лидия окликнула его.

— Волков знал, что у Веры долг, ещё до вашего приезда.

Михаил обернулся.

— Откуда?

— Вчера вечером он спрашивал меня о вас. Я открыла карточку эксперта в системе. Там только имя, допуск и контакты. Он сказал: «У Ратникова дочь держит протезную мастерскую, ей сейчас трудно». Я удивилась, а он ответил, что город маленький.

— Вера живёт в областном центре, в ста восьмидесяти километрах.

— Значит, его город больше, чем кажется.

В коридоре Михаил позвонил дочери. Вера ответила не сразу.

— Ты где? — спросил он.

— В мастерской. А что?

— Кто за последние дни спрашивал о долге?

— Банк. Поставщик. Вчера звонил мужчина из фонда поддержки промышленных городов. Предлагал заявку на субсидию.

— Имя?

— Не запомнила. Есть номер.

— Пришли Соколову и мне. Не перезванивай.

— Папа, это связано с заводом?

— Возможно. Я пока не знаю.

— Тогда почему голос такой, будто знаешь?

Он посмотрел через окно на площадь. Волков разговаривал у машины с двумя рабочими. Рядом стоял Лазарев. Журова не было.

— Потому что кто-то подготовил предложение раньше, чем я приехал, — сказал Михаил. — Закрой мастерскую пораньше и не оставайся одна.

— Ты сейчас пытаешься мной управлять?

— Пытаюсь сказать, что есть риск, не делая вид, будто его нет.

Вера помолчала.

— Хорошо. Закроемся вместе с Артёмом. Номер пришлю.

Это было не послушание, а её собственное решение. Михаил почувствовал разницу почти физически.

Когда он убрал телефон, из столовой донёсся голос Лидии. Она всё-таки ответила Тамаре.

— Я не могу назвать срок, — сказала она. — И должна объяснить почему. Это моя вина, не Бориса.

Михаил не стал слушать дальше.

В акте по-прежнему оставалось ложное время. Теперь рядом с ним лежала сохранённая строка о вмятине и точный час её удаления. Жалость Лидии перестала быть удобной общей причиной всего подлога. Она стала тем, чем была: двумя неверными строками, открывшими другому человеку дверь для третьей.

Глава 7. Брат вместо брата

Глеб позвонил, когда Михаил вышел из административного корпуса. Говорил шёпотом, хотя вокруг него гремело железо.

— Антон объявился. Только не приезжайте с мигалками.

— Где он?

— Сначала скажите, что не отдадите его заводской охране.

— Я не распоряжаюсь ни охраной, ни полицией.

— Тогда кому вы распоряжаетесь?

— Собой. Я не сообщу Волкову и не повезу Антона на завод. Но Соколова предупрежу. Иначе разговор не будет иметь цены.

В трубке что-то ударило, посыпалось мелкой крошкой. Глеб выругался в сторону и снова заговорил:

— Ладно. Соколов пусть будет, только один. Старый шиномонтаж за грузовой станцией. Там вывеска «Колесо», хотя никакого колеса уже лет пять нет. Через сорок минут.

— Антон ранен?

— Сам посмотрите.

Связь оборвалась.

Михаил набрал Соколова. Тот выслушал адрес, помолчал и спросил:

— Это тот самый случай, когда вы не будете советовать мне брать группу?

— Возьмёте группу — увидите пустой шиномонтаж. Антон боится не нас, а того, кто уже возил его к поликлинике.

— Если его удерживали, тем более нужна группа.

— Подъезды просматриваются со станции. Пусть ваши люди останутся за путепроводом. Если Антон согласится, вывезете его вы.

— А если не согласится?

— Зафиксируем, что он жив, и выясним, кого он видел.

Соколов вздохнул.

— Вы всё ещё считаете, что можете отделять одно от другого ровной линией.

— Пока не отделим подмену смены от смерти Кулагина, Волков будет объявлять Антона убийцей при каждом удобном случае.

— Через тридцать пять минут у путепровода.

Грузовая станция лежала на северном краю Каменолесья. Раньше здесь перегружали уголь и огнеупорный кирпич, теперь на шести путях стояли только два вагона с лесом. Между шпалами снег был чёрным от старой мазутной пыли. Шиномонтаж прятался за кирпичным складом, окна его были зашиты листами оцинковки. На выцветшей вывеске действительно осталось красное «Колесо» и белый круг вместо буквы «о».

Соколов приехал без формы, в тёмной куртке. Машину оставил у путепровода. Двух сотрудников Михаил не увидел, но по тому, как Соколов один раз взглянул на кабину старого самосвала, понял: они уже заняли места.

— Без самодеятельности, — сказал Соколов. — Если внутри вооружённый человек, выходите первым.

— Почему первым?

— Потому что я хотя бы знаю, куда отступать.

Дверь шиномонтажа открылась после третьего стука. Глеб быстро втянул их внутрь и снова заложил щеколду. В помещении пахло резиной, мокрым кирпичом и керосином. На полу лежали обода без шин, в углу стояла буржуйка с выведенной в разбитую форточку трубой.

Антон сидел за верстаком. На нём была чужая зелёная телогрейка, короткая в рукавах, и два разных ботинка: левый рабочий с вырезанным треугольником на каблуке, правый — мягкий городской, перемотанный у щиколотки серым скотчем. Правое ухо и правда было прижато к голове сильнее левого. Под глазом темнел отёк, на нижней губе засохла трещина.

Увидев Соколова, Антон встал и шагнул к двери в соседнее помещение.

— Он один, — сказал Глеб. — Я договорился.

— Ты договорился про страховщика.

— Я предупредил про полицейского.

— За минуту до того, как они вошли.

Соколов остановился у стены и показал пустые руки.

— Я не задерживаю вас за подмену смены, Антон. Мне нужно узнать, кто вас ударил и почему вы прятались.

— Упал.

— На кулак?

— На железо.

— Железо носит кольцо на среднем пальце?

Антон прикрыл отёк ладонью. На коже под глазом виднелась короткая дуга с двумя прямыми краями. Михаил уже замечал похожую тяжёлую печатку у мастера охраны Журова, но промолчал: форма следа не была надёжным опознанием.

— Сядьте, — сказал он. — Мы начнём не с вашего лица.

Антон остался стоять.

Михаил положил на верстак распечатанную фотографию каски «Г. Нестеров». Чёрная изолента на внутренней ленте была видна у правого виска.

— Ваша?

— Глебова.

— Кто затянул ленту и подклеил её?

— Не знаю.

Глеб ударил ладонью по верстаку.

— Хватит. Я уже всё сказал.

— Ты сказал про карту и каску, — ответил Антон. — Сидишь теперь чистый.

— Я два дня объясняю полиции, что дал тебе своё имя. Очень чистый.

— А кто меня уговорил?

— Я попросил. Ты согласился.

— Потому что тебе котёл сдавать, а мне за квартиру платить.

— Именно. Не из-за Бориса, не из-за бака. Скажи им как было.

Антон отвернулся к буржуйке. Огонь за круглой дверцей давно погас, но он протянул к ней руки, будто грелся.

— Смена началась в восемь, — сказал Михаил. — Карта Глеба прошла в девятнадцать сорок семь. Вы были в его куртке и каске. Размер обуви у вас сорок первый, на правом каблуке вырезан треугольник. Один такой ботинок нашли в северном пролёте, второй на вас. Это доказывает, что вы работали под чужим именем. Но не доказывает, что вы повредили бак или убили Кулагина.

Антон оглянулся.

— Волков сказал по цеху, что доказывает.

— Волков сказал рабочим. Не экспертизе.

— Какая разница? Тут утром скажут, к обеду тебя уже в магазине не обслужат.

— Разница в том, что официально установленный порядок событий нельзя заменить городским слухом. Для этого мне нужен ваш рассказ. С точным временем и вещами, которые можно проверить.

— А потом посадите за чужую карту.

— Возможно, за нарушение придётся отвечать. Я не обещаю обратного. Но если вы продолжите молчать, Волков соединит вашу подмену со всем, что случилось ночью. И тогда отвечать придётся уже за его версию.

Глеб сел на перевёрнутое ведро.

— Я карту дал, — сказал он. — Пиши и меня.

— Уже записали, — отозвался Соколов. — Сейчас речь не о том, кто предложил заработать двойную смену. Антон, после семи утра вы позвонили брату из старой поликлиники. Почему оттуда?

Антон сжал губы.

— Сначала смена, — сказал Михаил. — По часам.

Он достал чистый лист и нарисовал горизонтальную линию. Слева написал 19:47, справа — 7:02. Между ними не поставил ни одной догадки.

— В девятнадцать сорок семь вы вошли. Кто вас встретил?

— Фомин.

— Бригадир знал, что вы не Глеб?

— Он меня с детства знает. Наши матери сёстры.

— Что сказал?

— Сказал каску ниже надвинуть и в курилку не ходить. Ему двоих не хватало. Один с температурой, второй запил. Если бы я не вышел, участок бы не закрыл наряд.

— Какой наряд?

— Решётки на северной площадке. Потом нас перекинули к третьему корпусу.

— Когда?

— После полуночи. Может, в ноль сорок.

— Чем занимались?

— Варили крепление у резервной линии. Не сам бак. Там площадка дрожала, Волков велел поставить ещё две косынки.

— Резервный компрессор работал?

Антон посмотрел на Глеба, словно проверял, сколько тот уже рассказал.

— Гудел.

— Постоянно?

— С перерывами. Его так запускали последние недели. Ночью, когда городская проверка спит.

— Кто запускал?

— Диспетчер с пульта. По команде Волкова или Лазарева, я откуда знаю.

— Кулагина видели?

— Видел.

— В какое время впервые?

— Около часа. Он пришёл, посмотрел наши швы, обматерил Фомина.

— За качество?

— За то, что работа рядом с включённой линией. Сказал убрать людей. Фомин ответил, что приказ Волкова.

Михаил поставил на линии отметку «около 1:00».

— Дальше.

— Мы ушли в раздевалку, но через двадцать минут Фомин вернул нас. Компрессор выключили. Приварили косынки. Потом я зачищал шов.

— Кто был рядом?

— Рустам, электрик Лёха и Фомин бегал туда-сюда.

При имени Рустама Антон посмотрел не на Михаила, а на Соколова. Коротко, но слишком заметно.

— Фамилия Рустама? — спросил Михаил.

— Не помню.

— Вы отработали с ним шесть часов и не помните?

— У нас пять Рустамов.

— В сменном листе один Сафиуллин.

— Значит, Сафиуллин.

Михаил не стал спрашивать, где тот находится. Рано заданный вопрос мог напугать единственного человека, готового говорить.

— Во сколько вы снова увидели Кулагина?

Антон провёл пальцем по краю верстака. Под ногтем осталась светлая металлическая пыль.

— Уже после двух.

— Точнее.

— Я не смотрел на часы.

— Что происходило рядом? Смена операции, звонок, поезд, перерыв?

— Чайник включали. Электрик в два десять всегда чай ставит.

— Почему всегда?

— У него жена на хлебозаводе. В два десять у неё перерыв, они созваниваются. Он чай ставит и идёт к окну, там связь ловит.

— Электрик подтвердит?

— Если Волков его не напугал.

— Кулагин был жив после двух десяти?

— Был.

— Вы с ним говорили?

— Он велел прекратить работу и снять питание. Я сказал, что шов осталось дочистить. Он ответил: «Пять минут железа не стоят человека». Потом забрал у Фомина ключ от щита.

Михаил написал на линии: «после 2:10 — Кулагин говорит с Антоном, забирает ключ».

Ложное время в акте Лидии было три сорок, но Волков уже разносил по заводу версию, будто авария началась значительно раньше её приезда и Кулагин погиб при первом разрыве. Живой Кулагин после двух десяти сам по себе не разрушал эту версию. Нужна была следующая точка.

— Когда вы увидели его в последний раз?

— Я сказал.

— Вы сказали: после двух десяти. Потом до семи утра осталось почти пять часов.

Антон нагнулся и подтянул скотч на чужом ботинке.

— В два тридцать смена пошла в столовую, — продолжил Михаил. — В два тридцать две Кулагин звонил жене. Она слышала, как к нему обратился мужчина. Вы тогда где были?

— У щита.

— Один?

— Рустам кабель собирал.

— Кулагин вернулся?

— Вернулся.

— Во сколько?

— Без пяти три. На часах над щитом было два пятьдесят пять. Они спешат на четыре минуты, все знают.

— Значит, настоящее время было около двух пятидесяти одного.

— Наверное.

— В каком состоянии был Кулагин?

— Злой. Но целый. Без крови, на ногах. Снял перчатки и сказал Фомину выводить людей из корпуса.

Соколов оттолкнулся от стены.

— Кого вы видели рядом?

Антон снова замолчал.

— Не заставляйте меня угадывать, — сказал Михаил. — Угадаю неправильно — вы потом будете спорить уже с чужими словами.

— Волков вышел из диспетчерской.

— Сергей Олегович Волков?

— Да.

— Что сказал?

— Что плавку не остановят из-за страхов мастера. Кулагин ответил: «Не плавку, а самоделку». Они ушли за бак, к клапанам.

— Вы слышали удар?

— Нет.

— Крик?

— Нет.

— Что было потом?

Антон посмотрел на дверь. За оцинкованным листом прошёл товарный состав; помещение задрожало, с потолка посыпалась известь.

— Я ушёл.

— Когда?

— Сразу.

— Через проходную?

— Через северный пролёт.

— Почему не через проходную под картой Глеба?

— Потому что смена ещё не закончилась. Если бы карта вышла в три, утром увидели бы. Фомин сказал отсидеться в пролёте до пересменки, потом выйти с ремонтниками.

— Поэтому там остались куртка и один ботинок?

— Ботинок застрял в кабельном лотке. Подошва разошлась. Я переобулся в старые тапки из шкафчика.

— На вас сейчас второй ботинок. Где тапки?

— Выкинул.

— Где?

— Не помню.

Михаил обвёл на листе пустой отрезок между тремя часами и звонком в семь ноль две.

— Вы не вышли с ремонтниками. Вы оказались в старой поликлинике. На лице след удара. Куртка осталась в пролёте, карта Глеба тоже. Это не похоже на спокойный уход.

— Я видел Кулагина живым. Всё.

— Нет, — сказал Соколов. — Вы видели его живым рядом с Волковым. Потом кто-то не дал вам выйти. Это уже не нарушение табеля.

Антон резко подошёл к Глебу.

— Ты обещал, что они запишут только смену.

— Я обещал привести людей, которые тебя не отдадут Журову.

— А откуда ты знаешь про Журова?

— Ты сам сказал по телефону.

— Я сказал «охрана».

Глеб растерялся. На секунду братья смотрели друг на друга как два человека, каждый из которых не помнил, какую часть страха уже успел выдать.

Михаил перевернул лист чистой стороной вверх.

— Хорошо. Не будем заполнять пять часов догадками. Подтвердите то, что готовы подтвердить сейчас. Вы вошли по карте Глеба. Фомин знал. После двух пятидесяти Кулагин был жив и потребовал остановить линию. Волков увёл его к клапанам. Вы ушли в северный пролёт до аварии. Верно?

— До разрыва, — поправил Антон.

— Чем разрыв отличается от аварии?

Антон понял ошибку слишком поздно.

— Не знаю.

— Вы сказали, что ушли до аварии. Теперь уточнили: до разрыва. Значит, до разрыва произошло ещё что-то.

— Компрессор дёрнулся. Обычное дело.

— Вы были в пролёте, когда он дёрнулся?

— На площадке.

— Кулагин и Волков уже ушли к клапанам?

— Да.

— Что сделал Рустам?

— Пригнулся у щита.

— Почему?

— Потому что наверху ударило.

— Что ударило?

— Железо. Не знаю.

— После этого вы ушли?

Антон кивнул.

— Кто велел?

— Никто.

— А Фомин?

— Он уже убежал к клапанам.

— Рустам?

— Остался.

Ответ вырвался быстрее остальных. Антон тут же добавил:

— Наверное. Я не смотрел.

Теперь Михаил знал границу его рассказа. Антон боялся не только Журова. Он прикрывал Рустама — возможно, потому что тот видел продолжение.

— Ладно, — сказал Михаил. — Вернёмся к тому, что можно проверить. Часы над щитом, звонок электрика жене, ключ у Кулагина, Фомин и Волков. Ваши слова запишет Соколов. Потом нам нужно отвезти вас в безопасное место.

— В отдел? Чтобы через час весь завод знал кабинет?

— Не обязательно в отдел, — ответил Соколов. — Есть квартира для свидетелей в областном центре.

— Я не свидетель.

— Тогда почему вас били?

— За карту.

— Журов охраняет завод, а не табель. За карту вас мог сдать Фомин и получить выговор. Вас увезли к закрытой поликлинике потому, что вы видели больше.

Антон сел обратно. Глеб налил из термоса воду в жестяную кружку. Руки у него дрожали сильнее, чем у брата.

— Поедем, — сказал Глеб. — Я с тобой.

— Тебя утром на допрос вызвали.

— Значит, вместе поедем.

Антон взял кружку, но не отпил.

— Мне надо домой. Документы забрать.

— Документы заберут сотрудники, — сказал Соколов.

— В квартире мать. Увидит полицию — сердце встанет.

— Глеб заберёт.

— У него ключа нет.

— У меня есть, — сказал Глеб.

Антон поднял голову.

— Откуда?

— Тётя дала, когда ты пропал.

Они снова замолчали. Михаил видел, как Антон ищет следующий довод. Человек, которого дважды нашли против его воли, воспринимал любое безопасное место как третье запирание.

— Вы можете отказаться, — сказал Михаил. — Но тогда я должен честно сказать, что риск остаётся. Журов исчез. Волков уже знает о северном пролёте. Вашу квартиру проверяли. Это факты, не способ заставить вас.

— А если поеду, вы Волкова возьмёте?

— За что именно? За спор с Кулагиным? Этого мало. За попытку удалить серверные журналы будут разбираться отдельно. Ваш рассказ даст нам время проверить часы и людей.

— То есть он останется там.

— Пока доказательств недостаточно — да.

Антон впервые посмотрел Михаилу прямо в глаза.

— Тогда никакой квартиры. У вас всё честно только пока другого не касается.

Он встал и направился в соседнее помещение. Соколов шагнул к нему, но Михаил поднял руку.

— Там нет выхода, — сказал Глеб. — Только яма.

Антон вернулся с маленьким кнопочным телефоном и пластиковым пакетом. В пакете лежали рабочие перчатки, сломанная застёжка от каски и красная карточка допуска.

— Это не моё, — сказал он, положив карточку на верстак. — Нашёл у лотка.

На карточке было написано: «Сафиуллин Р. М. Электромеханическая служба». Угол был оплавлен.

— Почему сразу не показали? — спросил Соколов.

— Потому что вы сразу спросите, где он.

— Где он?

Антон усмехнулся разбитой губой.

— Не знаю.

— Но знаете, что он жив.

— Знаю, что карточка лежала у лотка.

Михаил не тронул пакет.

— Карточку изымут при понятых. Если на ней ваши следы, это объяснимо. Когда нашли?

— Перед тем как полез в канал.

— После удара наверху?

— Да.

— Вы видели Рустама после того, как Кулагин ушёл с Волковым?

— Нет.

Ложь была заметна не по голосу, а по лишней скорости ответа. Михаил записал точную фразу, не споря.

Соколов вышел вызвать сотрудников. Глеб присел рядом с братом.

— Поедем, Тох. Хоть на ночь.

— Ты всегда так, — сказал Антон. — Сначала просишь заменить, потом решаешь, куда мне ехать.

— Я просил одну смену.

— А получил брата вместо себя. Удобно.

Глеб побледнел.

— Думаешь, я не понимаю?

— Нет. Ты понимаешь ровно до места, где тебе больно.

Михаил отошёл к окну, оставив им несколько шагов тишины. За щелью между листами оцинковки медленно двигались вагоны. На одном белой краской было выведено «не ставить под горку». Тяжёлые вещи тоже нуждались в простых надписях, иначе их пускали туда, где уже нельзя остановить.

Снаружи хлопнула дверца машины. Антон вздрогнул.

— Это сотрудники Соколова, — сказал Михаил. — Они войдут только после вашего согласия.

— А если не дам?

— Соколов решит, есть ли основания доставить вас официально. Я не буду обещать то, что от меня не зависит.

— Хоть один здесь не обещает лишнего.

Антон взял телогрейку, висевшую на спинке стула. Из кармана выпала короткая белая стяжка с синим номером. Михаил наклонился, но Антон успел наступить на неё городским ботинком.

— Поднимите ногу.

— Мусор.

— Поднимите.

Антон подчинился. На стяжке было напечатано «КП-17». Такие стяжки Михаил видел утром на опечатанной двери старой поликлиники: ими крепили бирки к ключам процедурных кабинетов.

— Где взяли?

— На полу здесь.

Глеб покачал головой.

— Я вчера подметал. Не было её.

Антон с ненавистью посмотрел на него.

— Значит, в телогрейке была.

— Телогрейка моя, — сказал Глеб. — Из котельной принёс.

Михаил присел, не касаясь стяжки.

— Ею связывали ваши руки?

На правом запястье Антона под рукавом виднелась тонкая красная полоса. Он одёрнул рукав.

— Я зацепился.

— О два одинаковых края?

— Вы хотели про смену. Я рассказал.

— Да. И теперь ясно, почему одного рассказа мало.

Соколов вернулся с прозрачным пакетом для вещественных доказательств. Антон не возражал, когда тот поднял стяжку пинцетом. Потом позволил сфотографировать запястья и след под глазом, но от врача отказался.

Протокол объяснения составляли прямо на верстаке. Соколов читал каждую фразу вслух. Антон дважды исправил время: не «в два пятьдесят пять», а «на заводских часах без пяти три»; не «Волков приказал запустить компрессор», а «Волков спорил с Кулагиным о работе линии». Михаил одобрил обе поправки. Точность не делала рассказ слабее. Она отделяла увиденное от того, что хотелось доказать.

Когда дошли до северного пролёта, Антон потребовал записать: «Ушёл сам». Соколов добавил следом: «О дальнейших перемещениях сообщить отказался». Под этой фразой Антон поставил подпись настоящим именем.

Михаил посмотрел на неё дольше, чем следовало. Всю ночь Антон работал как Глеб Нестеров, прятал лицо под чужой каской, отвечал на чужую фамилию. Теперь первая честная строка появилась не в табеле, а под признанием о подмене.

— В машину сядете сами? — спросил Соколов.

Антон взглянул на брата.

— До дома. Заберу мать и вещи. Потом решу.

— Только в сопровождении.

— Машины без надписей?

— Без надписей.

— И адрес квартиры не скажете заводским?

— Не скажу.

— Тогда до дома.

Глеб пошёл первым. У двери Антон задержался рядом с Михаилом.

— Кулагин был жив не просто после двух, — сказал он тихо. — Когда я полез в пролёт, он ещё говорил.

— С кем?

— Не видел. Голос через металл шёл. Он сказал: «Рустам, не к щиту». Потом ударило.

— Какое было время?

— На телефоне два пятьдесят восемь. Я фонарь включал.

— Почему этого нет в объяснении?

— Потому что, если запишете Рустама, его начнут искать раньше вас.

— Волков уже ищет.

— Тогда не помогайте ему.

Антон вышел, не дожидаясь ответа.

Соколов посадил братьев в заднюю машину и велел сотруднику ехать к дому через западный переезд. Сам остался у шиномонтажа оформить пакет с карточкой Рустама.

— Он не доедет до областного центра, — сказал Михаил.

— Почему?

— Потому что согласился только до дома. И потому что не верит, что адрес останется тайной.

— А вы верите?

— Людям — да. Заводским связям в городе — нет.

Соколов убрал пакет в металлический кейс.

— Теперь у нас есть живой Кулагин в два пятьдесят восемь, спор с Волковым и команда Рустаму. Для задержания Волкова всё ещё мало, но для изъятия табеля и пультового журнала достаточно.

— Табель изымите первым. Ручную правку могли внести после смерти.

— Почему после?

— До смены в нём нужен был Глеб: иначе Антона не пропустили бы. После смерти чужая фамилия стала удобным подозреваемым. Это две разные причины держать одну ложь.

Соколов посмотрел вслед машине.

— Брат вместо брата. А потом нарушитель вместо убийцы.

— Если позволим.

Телефон Соколова зазвонил. Он выслушал несколько слов и резко повернулся к дороге.

— Машину с братьями остановили у западного переезда. Дорожные работы, грузовик поперёк полосы.

— Случайно?

— Сейчас узнаем.

Через минуту пришло второе сообщение. Грузовик сдвинулся, машина продолжила путь. Михаил смотрел на пустую дорогу и думал не о погоне. Куда опаснее было то, что в Каменолесье для задержки человека не требовалось перекрывать весь город. Достаточно было знать, каким переездом он поедет.

В табеле всё ещё стояло имя Глеба Нестерова. Теперь под ним появился живой Антон, подписавший собственное признание, и мёртвый Кулагин, который в два пятьдесят восемь ещё предупреждал Рустама не подходить к щиту. Ложная смена перестала быть алиби. Она стала дверью, через которую убийца пытался вывести наружу другого виноватого.

Глава 8. Два прохода

У центральной проходной было шесть турникетов, но ночью работали только два. Правый пропускал людей на завод, левый выпускал обратно. Остальные стояли под серыми чехлами, и из-за этого просторный зал напоминал закрытый магазин, в котором забыли погасить свет.

Михаил вошёл следом за Соколовым в девять двадцать три. У стеклянной будки сидела женщина в форме охраны и держала обе ладони на журнале, словно боялась, что его унесут вместе со столом. За её спиной на стене висел экран. На нём зелёными строками появлялись фамилии дневной смены.

— Компьютер не трогали? — спросил Соколов.

— После вашего звонка нет.

— А до звонка?

Женщина посмотрела на мужчину в синей куртке, стоявшего у окна. Михаил узнал начальника отдела кадров Лапшина. Утром тот показывал табель и уверял, что система сама переносит отметки с проходной.

— До звонка мы работали, — ответил Лапшин. — Завод не остановлен.

— Кто открывал ночную смену?

— Я пришёл в восемь. Ночную закрывает табельщица.

— Она здесь?

— Зинаида Петровна в медпункте. Давление.

Соколов достал постановление об изъятии и положил перед охранницей. Та прочла первую строку, дальше смотреть не стала. Лапшин попросил копию. Соколов отдал ему второй лист и предупредил, что до прибытия специалиста никто не выключает компьютер и не вынимает кабели.

Михаил подошёл к экрану, не касаясь клавиатуры. В верхней части окна шла живая лента проходов. Ниже виднелась дата аварии. Рядом с фамилией Глеба Нестерова стояли две отметки: вход в 19:47 и выход в 7:18. Именно эти часы Лапшин показывал утром. Между ними была ровная синяя полоса — полная ночная смена без отлучек.

— Где второй проход? — спросил Михаил.

— Какой второй? — не понял Лапшин.

— Антон вошёл по карте Глеба через центральную проходную. Из северного пролёта он попал в старую поликлинику. Там есть наружная дверь. Она тоже считается проходом с территории.

— Поликлиника закрыта пять лет.

— Дверь открывали этой ночью. Ключ брал ваш мастер охраны.

— Это вопрос к охране, не к кадрам.

Михаил повернулся к женщине в будке.

— На двери поликлиники есть считыватель?

— Старый. Он не в общей ленте.

Лапшин быстро сказал:

— Потому что помещение выведено из эксплуатации.

— Куда идут отметки старого считывателя?

Охранница снова посмотрела на начальника кадров.

— На местный блок. В щитовой второго поста.

— Кто может их посмотреть?

— Старший смены. Или мастер.

— Павел Журов?

Она кивнула.

Соколов велел сотруднику опечатать второй пост и найти дежурного электрика. Лапшин возразил, что охрана принадлежит подрядчику и завод не вправе отдавать её оборудование. Соколов показал на постановление. Начальник кадров замолчал, но копию сжал так, что бумага пошла складками.

— Вы сказали утром, что табель переносится с проходной автоматически, — напомнил Михаил.

— Так и есть.

— Тогда почему выход Глеба стоит в семь восемнадцать, если его карта осталась в северном пролёте?

Лапшин посмотрел на экран. Вопрос был простым, и потому от него нельзя было заслониться словами о системе.

— Возможно, карту нашли и передали на пост.

— Кто приложил её к турникету?

— Я не знаю.

— Камера над левым турникетом покажет.

— Запись могла не сохраниться. У нас короткий срок хранения.

— Один день?

— При высокой нагрузке бывает всякое.

Соколов записал ответ. Охранница тихо сказала:

— Камеры пишут тридцать суток.

Лапшин повернулся к ней.

— Вы специалист по серверу?

— Нет. Но я каждый месяц подписываю проверку архива.

Её звали Ольга Савельева. Она работала на проходной одиннадцать лет и знала половину города не по лицам, а по тому, как люди подносили карты. Кто-то заранее вытягивал руку, кто-то бил пластиком по стеклу, кто-то искал пропуск уже перед турникетом. Нестеровых она различала. Глеб всегда носил карту в прозрачном кармане на рукаве. В ту ночь человек под его именем достал её из нагрудного кармана.

— Лица не видели? — спросил Соколов.

— Капюшон, шарф. Фомин провёл его рядом с собой и всё время говорил. Я решила, Глеб зуб вырвал и щёку закрыл.

— В семь восемнадцать кто вышел?

— Никто.

Лапшин шумно выдохнул.

— Зачем тогда отметка?

— Потому что это не отметка турникета, — сказала Ольга. — Синяя полоса означает закрытую смену. Настоящий выход у нас зелёный.

Михаил приблизился к экрану. Цвет отличался едва заметно. Вход в 19:47 был зелёным. Выход в 7:18 — синим, как полоса между ними.

— Кто может закрыть смену без выхода?

— Табельщик. Начальник отдела. Иногда диспетчер, если человека увезла скорая и карта осталась внутри.

— История сохраняется?

— Должна.

Лапшин отступил от окна.

— Я требую, чтобы разговор шёл в присутствии юриста.

— Требуйте, — сказал Соколов. — А пока назовите пользователей с правом ручного закрытия.

— Я не обязан помнить пароли сотрудников.

— Пароли не нужны. Нужны фамилии.

— Зинаида Горлова, я, сменные диспетчеры. Возможно, Волков как технический директор.

— Не возможно, а точно, — сказала Ольга. — Его фамилия в списке согласующих. Когда турникет не считывал новую карту, он сам закрыл проход монтажникам.

Лапшин больше не спорил с ней. Он достал телефон, но Соколов попросил положить аппарат на подоконник до окончания первичного осмотра. Начальник кадров подчинился и спросил, задержан ли он. Соколов ответил, что нет, однако уходить до фиксации доступа не следует.

Специалист приехал из районного отдела через сорок минут. Молодой лейтенант Морозов сначала сфотографировал экран, потом подключил чистый накопитель и выгрузил журнал событий. Михаил смотрел, как растёт синяя полоса копирования. Никакой тайны в этот момент не открывалось. Файлы переходили с одного носителя на другой, проценты менялись, вентилятор под столом гудел. Но именно такая медленная работа отделяла доказательство от удобного снимка на чужом телефоне.

Первым нашли вход. В 19:47 карта Глеба прошла через правый турникет. Рядом в 19:46 прошёл Фомин. Камера показывала двух мужчин: Фомин шёл чуть впереди и держал дверь, второй прикрывал нижнюю часть лица шарфом. Рост совпадал с Антоном, обувь — тоже. На правом каблуке при шаге открывался треугольный вырез.

Выхода в семь восемнадцать на видео не было. Турникет в это время пропустил сварщицу Ирину Белых и водителя погрузчика. Между ними никто не проходил.

— Значит, карту приложили не здесь, — сказал Лапшин.

Морозов покачал головой.

— Её вообще не прикладывали. Событие помечено как ручное закрытие.

— Кем?

Лейтенант открыл подробности строки. Пользователь назывался `SVOLKOV`. Время ввода — 7:16. Время, поставленное в табель, — 7:18.

— Почему разные часы? — спросил Соколов.

— Пользователь в семь шестнадцать выбрал обычное окончание смены, — объяснил Морозов. — Система подставила семь восемнадцать из графика участка. Так делают, чтобы не считать переработку или недоработку в две минуты.

— Можно войти под чужим именем?

— Если знаешь пароль. Или если компьютер уже открыт.

— С какого места внесена запись?

Морозов раскрыл ещё одно поле.

— Рабочая станция отдела кадров. Вот её номер.

Лапшин шагнул к столу.

— В семь шестнадцать меня здесь не было. Я пришёл в восемь.

— Кто был? — спросил Соколов.

— Горлова. И, наверное, кто-то из руководства. После аварии все ходили где хотели.

Ольга Савельева сказала, что Волков прошёл через центральную дверь в 6:49. Карты он не прикладывал: охрана открыла ему калитку как руководителю. Камера подтвердила. В 7:09 он вышел из коридора, ведущего к кадрам, поговорил с Лапшиным по телефону и вернулся внутрь. В 7:14 камера в самом отделе кадров погасла. В 7:16 под его именем закрыли смену Глеба. В 7:21 изображение появилось снова.

— Камера сломалась ровно на семь минут? — спросил Михаил.

— Питание не пропадало, — ответил Морозов. — Поток выключили командой с регистратора.

— Кто имел доступ?

— Охрана. Мастер охраны точно.

Журов снова возник не как человек, а как право открыть дверь, взять ключ, повернуть камеру и убрать семь минут. Михаил записал часы рядом: 6:49, 7:14, 7:16, 7:21. Аварийный звонок поступил в 7:02. Значит, ручную правку внесли через четырнадцать минут после официального сообщения о гибели Кулагина.

До смерти чужое имя позволяло Антону попасть на завод и получить деньги за смену. После смерти то же имя связали с полным временем работы, будто Глеб находился на участке до самого утра. Ошибка не продолжилась сама. Её подхватили и придали ей новую форму.

— Покажите табель до ручного закрытия, — попросил Михаил.

Морозов нашёл ночную копию. Система автоматически сохраняла состояние в шесть утра. В строке Нестерова значился вход в 19:47, а клетка выхода была пустой. Рядом стоял жёлтый знак: «нет выхода». В копии на 7:30 знак исчез, появилось 7:18.

— Есть ещё промежуточные копии?

— Каждые пятнадцать минут.

В семь утра строка оставалась незакрытой. В 7:15 тоже. В 7:30 уже была исправлена.

— Распечатайте три состояния, — сказал Соколов.

Михаил попросил добавить состояние накануне вечером. Оно показало, что фамилия Глеба внесена в график в 18:12 пользователем Фомина. Это было первое действие. Фомин поставил брата в смену, не зная, что через несколько часов имя пригодится для другого.

— Кто сообщил Волкову, что карта осталась внутри? — спросил Михаил.

Ольга Савельева подняла руку, будто находилась на собрании.

— Я.

Лапшин резко посмотрел на неё.

— Зачем?

— Он спросил, все ли вышли с участка. Я сказала: у Нестерова нет выхода. Он велел никого не выпускать без проверки, потом ушёл в кадры.

— Во сколько?

— Около семи десяти.

— Вы знали об аварии?

— Знала, что погиб человек. Не знала кто.

— Волков называл Нестерова?

— Спросил, на какой линии тот работал. Я посмотрела в списке: резервная.

Лапшин сел на край подоконника. Теперь его тревожила не работа завода, а собственная близость к чужому действию.

— Сергей Олегович позвонил мне в семь одиннадцать, — сказал он. — Спросил, можно ли закрыть смену сотруднику, которого увезли через другой выход. Я ответил, что можно после служебной записки.

— Он сказал, кого увезли?

— Нестерова.

— Какая скорая его увезла?

— Я не спрашивал. После разрыва там была неразбериха.

— Служебная записка появилась?

Лапшин открыл шкаф, вынул папку и пролистал листы. Записки не было.

— Когда вы увидели закрытую строку?

— После восьми. Решил, что Горлова всё оформила.

— А она?

— Была белая как стена. Сказала, что Волков сам сел за компьютер.

— Почему утром вы назвали перенос автоматическим?

Лапшин долго разглаживал складку на копии постановления.

— Потому что к тому времени на завод приехали область, полиция, страховщики. Если бы выяснилось, что руководитель правил табель после смерти, закрыли бы доступ всей смене. Я хотел сначала разобраться.

— Разобрались?

— Нет.

— Зато дали Волкову время.

— Я не удалял записи.

— Но назвали ручную строку автоматической.

Михаил не повышал голос. В работе с авариями ему часто встречались люди, которые не ломали прибор и не подделывали подпись. Они лишь называли странность обычной, пока она не переставала требовать ответа. Иногда этого хватало, чтобы ложь прожила ещё несколько часов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.